РОВЕСНИК

12
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Декабрь, 1980, № 12

ДЖЕЙМС СТИЛ, национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение (СМРО, США),
рассказывает
О БОРЬБЕ АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ МИЛИТАРИЗАЦИИ СТРАНЫ

На первой странице обложки: для Вернера Кунтце работа — это значит дорога, порой многодневная и многотрудная. Он шофер, член красной бригады имени Георгия Димитрова молодежного транспортного предприятия в столице ГДР. Девиз Вернера и его товарищей по бригаде — работать планомерно и последовательно, а это значит работать красиво, мастерски, по-ударному.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 20.10.80. Подп. к печ. 19.11.80. А02730. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1582.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СОФИЯ. В болгарской столице прошел очередной смотр детского и молодежного творчества. Здесь состоялась международная встреча детей «София-80», которая была организована по случаю первой годовщины международной ассамблеи детей «Знамя мира». В ней приняли участие юные посланцы 88 стран. В фонд встречи были переданы сотни рисунков, литературных и музыкальных произведений, созданных ребятами.

ДАКАР. В сенегальской столице прошел семинар по вопросам развития просвещения в Африке. Известные африканские педагоги, деятели науки и культуры обсудили проблемы развития системы просвещения на континенте.

ДЕЛИ. Все большее распространение в Индии получает изучение русского языка. В скором времени будет введено его преподавание в одном из старейших университетов страны — Бангалорском. В настоящее время русский язык преподается в 54 высших учебных заведениях Индии.

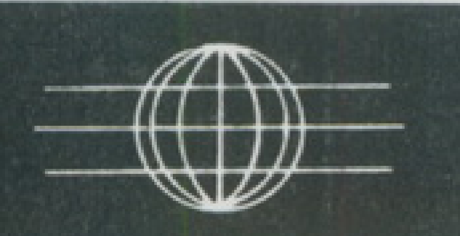
ЖЕНЕВА. В Женевском дворце наций состоялся третий международный студенческий «круглый стол» по разоружению. Его участники — представители студенчества СССР, США, Польши, Франции, Чехословакии, Великобритании, Финляндии, Индии, Сенегала и ряда других стран — обсудили задачи молодежи в борьбе за разоружение, разрядку и мир. Эта борьба приобретает особое значение в свете нынешнего обострения международной обстановки, вызванного усилением милитаристских приготовлений США и НАТО.

ЛОНДОН. Во всем мире ширится гневное осуждение очередной волны жесточайшего террора, развязанного пиночетовской хунтой в Чили. Каждый месяц жертвами фашистского режима становятся сотни людей. В Лондоне недавно состоялись массовые выступления молодежи против решения правительства тори продать оружие чилийским «гориллам».

На снимке: «Не допустить поставок оружия Пиночету!» — требует прогрессивная молодежь Англии.

БУДАПЕШТ. Около пятисот юношей и девушек из стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки занимаются здесь в международном подготовительном институте. В течение года они будут изучать венгерский язык, чтобы затем продолжить образование в университетах и институтах Венгрии. В нынешнем году в венгерских вузах начали учиться почти 3,4 тысячи студентов-иностранцев более чем из 90 стран.

БЕЙРУТ. Свыше 400 представителей молодежных и студенческих организаций городов Рамаллах и Эль-Бира, расположенных на оккупированном Западном берегу реки Иордан, приняли участие в конференции, на которой обсуждались проблемы, стоящие перед палестинскими учащимися и студентами. В принятом заявлении резко осуждается вмешательство израильских оккупационных властей в учебный процесс в школах и вузах и дискриминационные меры в отношении учащихся-арабов.

ПАРИЖ. Выставка «ЮНЕСКО и молодежь» с успехом прошла во французской столице. В обширной экспозиции были представлены публикации этой международной организации по вопросам образования, книги по наиболее актуальным проблемам современного мира, предназначенные для молодежи, а также журнал «Курьер ЮНЕСКО», выходящий ежемесячно на 26 языках.

КОПЕНГАГЕН. Набирает силы движение против американских планов размещения на земле Дании ракет с ядерными боеголовками. Это движение зародилось в 1977 году. За три года его участники провели несколько общенациональных и международных форумов, десятки многотысячных демонстраций, собрали сотни тысяч подписей под петициями, выражающими протест против ядерного оружия и гонки вооружений, против вовлечения Дании в опасные планы НАТО.

На снимке: антивоенная демонстрация в Копенгагене.

ТОКИО. Здесь прошла национальная конференция, организованная по инициативе Лиги социалистической молодежи Японии, посвященная безработице среди молодежи. В последние годы число безработных моложе 25 лет возросло более чем в три раза, они составляют в настоящее время около 30 процентов всех безработных в стране.

ВАРШАВА. В Польской Народной Республике проводится широкая реформа системы образования, вводится обязательное десятилетнее обучение. Это, в свою очередь, приведет к дальнейшему развитию высшего образования. В настоящее время в вузах Польши занимается около пятисот тысяч студентов, то есть на каждые десять тысяч населения приходится 141 студент — в десять раз больше, чем в 1938 году.

СЕУЛ. В вузах Южной Кореи сохраняется крайне напряженная обстановка. Большинство лидеров студенческого движения арестованы или вынуждены скрываться. В студенческих городках постоянно присутствуют переодетые в штатское полицейские, обычным явлением стали облавы и проверки документов.

АДДИС-АБЕБА. Ежегодный приз ЮНЕСКО присужден Эфиопии за успехи в проведении кампании по ликвидации неграмотности, в которой участвует сейчас более пяти миллионов человек. Особо были отмечены достоинства новых эфиопских учебников, которые выпускаются на пяти национальных языках.

ВАШИНГТОН. В городах, студенческих центрах США продолжаются массовые антивоенные выступления. Тысячи молодых американцев отказываются подчиниться закону об обязательной военной регистрации, осуждают раздувание американскими милитаристскими кругами военной истерии в духе худших времен «холодной войны».

На снимке: участники многотысячной антивоенной демонстрации в столице США.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО ПАЛ В МИНУВШЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ, ОТСТАИВАЯ ДЕЛО МИРА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДОМ ОБЯЗЫВАЮТ НАС С УДВОЕННОЙ ЭНЕРГИЕЙ ПРОВОДИТЬ ПОЛИТИКУ НАШЕЙ ПАРТИИ, БОРОТЬСЯ ЗА ПРОЧНЫЙ МИР НА ЗЕМЛЕ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ДРУГИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ВСЕГДА БУДУТ ИДТИ В ПЕРВЫХ РЯДАХ ЭТОЙ САМОЙ БЛАГОРОДНОЙ И САМОЙ НЕОБХОДИМОЙ БОРЬБЫ.

Л. И. Брежнев

ЛЮДИ ИЗ «РЕПОРТАЖА»: ЯН ЧЕРНЫЙ

В. АНДРИЯНОВ,
соб. корр. «Комсомольской правды» в Праге,
З. ГРАБИЦА,
заместитель главного редактора газеты «Млада фронта», — для «Ровесника»

«...не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас». *Юлиус Фучик. «Репортаж с петлей на шее».*

В начале двадцатых годов чешский банкир Печек в самом центре Праги — рукой подать до Вацлавской площади — построил для своего банка массивное здание. Заняв Прагу, гитлеровцы разместили в нем гестапо.

...Полуподвальная комната для подследственных. Длинные, грубо сколоченные скамьи в шесть рядов, толстые решетки на окнах.

Узников ставили лицом к стене, запрещая малейшее движение. Стоило чуть пошевельнуться, как подлетал гестаповец со свинцовой плетью...

В камере пыток все сохраняется, как было. «Турник», на котором подвешивали узников. Специальная куртка, прошитая стальными прутьями. Когда били, надев эту куртку, на теле не оставалось никаких следов, но человек становился инвалидом. Здесь обычные предметы быта теряли свое назначение. Молотком дробили кости. Утюгом жгли тело.

Все ступени гестаповского ада прошли подпольщики: Зика, Красный, Недвед, Черный... Ян Черный числился в отделе П-А-1 по борьбе с коммунизмом на особом счету...

...8 февраля 1941 года в точно назначенное время радист начал принимать из Праги радиограмму. Как обычно, текст был передан по частям, в обусловленные интервалы. Привычной была и подпись — «19».

Расшифровав текст, радист передал радиограмму дежурному:

«Клемо[1], Черный после Испании и Бельгии возвратился домой. Предполагаем использовать его в работе. Сообщите свое мнение».

Ответ в Праге ждали гестаповцы. Два года охотились они за коммунистическим радиопередатчиком, работавшим в самом центре города. Наконец-то он в их руках. Захвачены радист и шифровальщик. Теперь нужно выйти на след Яна Черного. С согласия Гиммлера пражское гестапо начало радиоигру с руководством КПЧ. Ответ из Москвы был принят шестнадцатого.

«...Имеем о нем очень хорошие отзывы. Рекомендуем использовать. Клемо».

Гитлеровцы рассчитывали получить из радиограммы хоть какие-то ориентиры, с помощью которых они смогли бы подобраться к Черному. Но ловушка была, к счастью, своевременно разгадана. Руководство КПЧ приостановило радиосвязь с Прагой.

Вслед за потерей связи с партийным центром КПЧ подпольщиков постиг еще один удар. В феврале 1941 года был арестован весь (кроме Яна Зики) подпольный ЦК: Эдуард Уркс, Отто Сынек, Виктор Сынек, Эммануил Клима, Вацлав Резек, Вацлав Синкуле... «Все связи оборвались, — пишет Юлиус Фучик в своей книге «Репортаж с петлей на шее», — некоторые организации провалились полностью, к тем, что сохранились,

---

[1] *Клемент Готвальд — выдающийся партийный и государственный деятель Чехословакии. После оккупации Чехословакии гитлеровцами возглавлял единый партийный центр КПЧ, находившийся в Москве. — Примеч. авт.*

не было путей... И все это в те дни, когда партия уже не могла ограничиваться одной подготовительной работой, в дни нападения на Советский Союз, когда она должна была прямо вступить в бой, организовать внутренний фронт против оккупантов, вести «малую войну» в их тылу не только своими силами, но и силами всего народа».

Небывалой тяжести задача выпала на долю Зики, Черного, Фучика и других коммунистов: в условиях жестокого террора занять место павших, восстановить связи между подпольными организациями, повести людей на борьбу.

...Из воспоминаний боевых друзей Яна Черного вырисовывается человек решительный, талантливый, находчивый. Это была цельная натура, сложившаяся уже в юные годы.

Представьте себе сельский класс, ребят, не видевших света дальше околицы. Учитель рассказывает о каких-то злодеях большевиках, аж мурашки бегут по коже... И вдруг поднимается мальчик:

— Господин учитель, вы говорите неправду!

Домой мальчишка, а это был Янек, приходит раньше обычного. В его дневнике размашистая запись: «Живет в обстановке, враждебной государству, злонамерен».

— Держись, сынок! — говорит отец.

Отца-железнодорожника пару дней назад уволили. Начальник станции поставил условие: «Будешь работать, если выйдешь из КПЧ». Отец выбрал безработицу. Свои убеждения он не разменивал на кроны. Такими растил и своих детей.

Старые работницы кондитерской фабрики в Годонине и сегодня вспоминают, как Ян Черный, секретарь райкома комсомола, поднял фабрику на забастовку. Работали двенадцать часов в день, а получали гроши, как милостыню. Девичья забастовка победила: хозяин повысил зарплату и принял вновь на работу уволенных. В знак благодарности девушки связали Яну свитер. Да недолго он ходил в нем — отдал товарищу, у которого к зиме совсем ничего не было.

За Яном Черным все внимательнее следят жандармы. «Рабочий Ян Черный, — гласит одно из полицейских донесений, — создал в селах Тынец и Моравска Нова Вес так называемую организацию коммунистической молодежи, в Тынце — 21 человек, а в Моравска Нова Вес — 45. Их цель — подрывать самостоятельность чехословацкого государства».

Вдогонку идут сообщения о встрече коммунистической молодежи, организованной Черным в Годонине. Читаем полицейский отчет о демонстрации 19 марта 1933 года:

«...демонстранты прямо по проезжей части пошли в город, выкрикивая при этом: «Да здравствует Красная Армия!», «Мы — солдаты Красной Армии!», «Позор правительству, которое кормит нас свинцом». В Стара Бржецлаве демонстрация задержалась, и находящийся в ее рядах руководитель молодежи Ян Черный был поднят над толпой. Черный произнес речь об угрозе фашизма. После его выступления присутствующие запели запрещенный гимн «Будь праци чест!».

...С давних пор в чешских селах бытовал обычай: призывник, уходя на службу, прикалывал к петлице своеобразный знак. Янек, а следом за ним и друзья-комсомольцы вместо этого украсили фуражки красными гвоздиками. Зачинщику грозило два года тюрьмы. Точнее так: отслужить два года в армии, а потом еще два года провести за решеткой.

— Проводили мы Гонзу, — вспоминает его сестра Зузана, называя брата так, как звали его родные и друзья, — ждем письма из армии и вдруг... получаем открытку из Москвы.

По заданию партии Ян Черный нелегально перешел в Советский Союз. К сожалению, письма той поры не сохранились. Но Зузана помнит, о чем писал брат. Писал, что тоскует по полям возле родного села, писал о своих новых друзьях (может быть, кто-нибудь из них отзовется, читая эти строки), писал, что гордится значком «ворошиловского стрелка»...

В апреле 1936 года в Праге собрался VII съезд КПЧ. Среди его участников была Аня Мразова — шесть лет назад Ян рекомендовал ее в комсомол.

— Я увидела Янека на лестнице, и он увидел меня, но словно бы не узнал, — вспоминает Мразова. — «Значит, так надо», — подумала я и прошла мимо. Все стало ясно, когда объявили: «Слово предоставляется товарищу Франтишеку Бурде». К трибуне шел Янек. — Центральный Комитет Союза коммунистической молодежи поручил мне от его имени и от имени 24 тысяч членов нашего движения передать делегатам VII съезда сердечный комсомольский привет! Мы хотим объединить молодое поколение, трудящихся всех народов Чехословакии в борьбе против фашизма и войны, в борьбе за их жизненные права... Мы хотим, чтобы в Чехословакии не было угнетенных, бесправных и голодающих, чтобы молодежь Чехословакии могла жить без тревог, так же счастливо, как молодежь советская...

В перерыве Ян отыскал Аничку, шепнул: «Спасибо, что «не узнала».

...Подростком Ян как-то купил чешско-испанский словарь и начал учить испанский язык. Быть может, предчувствовал, что судьба приведет его за Пиренеи?

Когда повсюду в мире начали формироваться интербригады, КПЧ поручила Яну Черному сформировать отряд чехословацких добровольцев. Он горячо взялся за дело, попросив лишь, чтобы с отрядом направили и его:

— Мое место там, не могу я других отправлять на войну под пули, а сам оставаться в безопасности.

— Весной 1937 года он нелегально пробрался в Испанию, — вспоминает Эмилия Пикгартова, боевой товарищ и любимая Яна. — Оттуда я получала письма. Но после разгрома республики связь оборвалась. «Где он? — думала я. — Погиб в последних боях? Или томится в концлагере?» И вдруг словно в ответ на все мои вопросы в конце 1939 года письмо из Германии: «Приеду под Новый год». Вместе с радостью меня охватила тревога: полиция уже искала его, был выдан ордер на его арест. Он, конечно, понимал, что рискует, но переждать опасное время в стороне, отсидеться где-нибудь было не в его характере.

Ветераны интербригад и сейчас называют себя «испанцами». Один из них, Франтишек Влачил, дипломат, партийный работник — до недавнего времени, до ухода на пенсию, он был первым секретарем Годонинского райкома КПЧ, — рассказывает:

— Я видел Черного в крутых переплетах. Могу сказать одно: исключительной храбрости человек... — Наш собеседник над чем-то задумывается и вдруг улыбается: — Покажу я вам сейчас одну редкостную вещь.

Он подходит к книжному шкафу, достает небольшую книжицу. На переплете надпись: «За мир и свободу. Издано чехословацкими добровольцами в Испании. Барселона, 1937». Из множества эпизодов выбираем один, об уличных боях:

«4.IX.1937... Каждый обвешан гранатами, как новогодняя елка игрушками. С большой осторожностью пробираемся среди развалин. У каждого в левой руке пистолет, в правой — граната. Чеку можно сорвать только зубами. Глаза наблюдают за всем, что кажется подозрительным. Каждый пролом, каждое окно, каждая плитка черепицы, приподнятая на крыше, таят опасность. Откуда-то спереди в нас стреляют. Бросаемся в укрытие. В тот день у нас были потери — ранен товарищ Пиккер и тяжело ранен наш политкомиссар Гонза Черный...»

О том, что было после Испании, известно из рассказа Эмилии Пикгартовой:

— Сначала Ян пробрался во Францию. За несколько месяцев по русско-французскому словарю выучил язык. Потом перешел в Бельгию. На жизнь зарабатывал тем, что разносил уголь. Там он был арестован гестаповцами и приговорен к смертной казни. Бежал. С группой бельгийских рабочих по фальшивому паспорту уехал на работу в Германию. По документам он чертежник из Словакии. Работает в Касселе на военном заводе, при каждом случае рассказывает шефу, какие у него богатые родители и какое у них шикарное имение. Шеф в конце концов достает ему пропуск на десять дней: «Отправляйся за деревенскими продуктами».

От приезда в Прагу с имперским пропуском до ареста — полтора года. Быть может, самая главная часть его жизни. И менее всего известная.

30 октября 1941 года гестапо передало в чрезвычайный суд дела пятерых человек: Иржи Стриккера, Олдржиха Штанцля, Отакара Руну, Эмилия Корбле, Богумила Кухаржа. «...Вышеименованные лица являются руководящими деятелями коммунистической террористической организации, которая была ликвидирована в октябре 1941 года в Праге, — говорилось в сопроводительном документе гестапо. — Эта организация осуществляла заводское производство зажигательных бомб и взрывчатых веществ. В шести случаях взрывчатка была использована. Стриккер называет себя руководителем этой группы. Дошел до того, что даже на допросе фанатически заявлял, что сделает все, чтобы вредить Германии, что уверен в победе Советского Союза...» Всех пятерых приговорили к смертной казни.

Олдржих Штанцль по заданию подпольного ЦК КПЧ приобрел небольшой завод металлоизделий. Летом 1941 года комсомольцы создали здесь боевую группу, одну из первых в Праге. Шесть диверсий, о которых писалось в гестаповском донесении, на ее счету. Операциями боевых групп руководил Ян Черный.

Эти полтора безумно трудных года... Чуть ли не ежедневная смена квартир, поездки с чужими паспортами по областям, редко покидающее чувство голода. И сильнее всего тоска по родным. Ян не видел их с тех пор, как ушел в армию.

...Вечером, после работы, в старом доме Черных собрались так похожие на него сестры, племянники — вся большая семья. За открытым окном поют горлицы, теплый закатный луч рубином отражается в бокале — в какой же моравской семье встретят гостя без домашнего вина! Зузана вспоминает о последней встрече с братом. Было это поздней осенью 1941 года в Праге:

— Мне передали, что нужно ехать пятым трамваем до конечной остановки и потом идти вперед. Метров через двести меня догонят. А догнал меня Гонза. Обнял, начал целовать — ведь почти восемь лет не виделись...

А потом сын Людмилы — другой сестры Яна Черного — Гонза, названный так в честь дяди, приносит узкий листок бумаги, исписанный мелким четким почерком. Записка из фашистской тюрьмы. Она была туго скатана и зашита в белье.

«Мои дорогие, дорогая Эмилко!

Это мое последнее письмо. Через час или раньше я умру. Я совершенно спокоен. Желаю вам всем, мои дорогие, всего самого хорошего. Не мучайтесь из-за меня. Живите ради тех, у кого жизнь только начинается. Вчера получил ваше последнее письмо. Целый день был мыслями с вами. Обнимаю вас всех еще раз сердечно. Жму руку всем знакомым и товарищам и желаю вам много счастья. Дорогая Эмилочка, будь мужественна, не страдай из-за меня, живи ради других, ты еще молодая, и вся жизнь перед тобой, не испорти ее, выйди замуж и расти детишек.

Вот, мои дорогие, и все, последний горячий поцелуй и объятия, будьте счастливы.

Эмилка, ты должна немного заменить меня моим, а вы, мои дорогие, замените меня немножко Эмилии, да? Ну, мои дорогие, еще раз крепко жму вам руки. Ян».

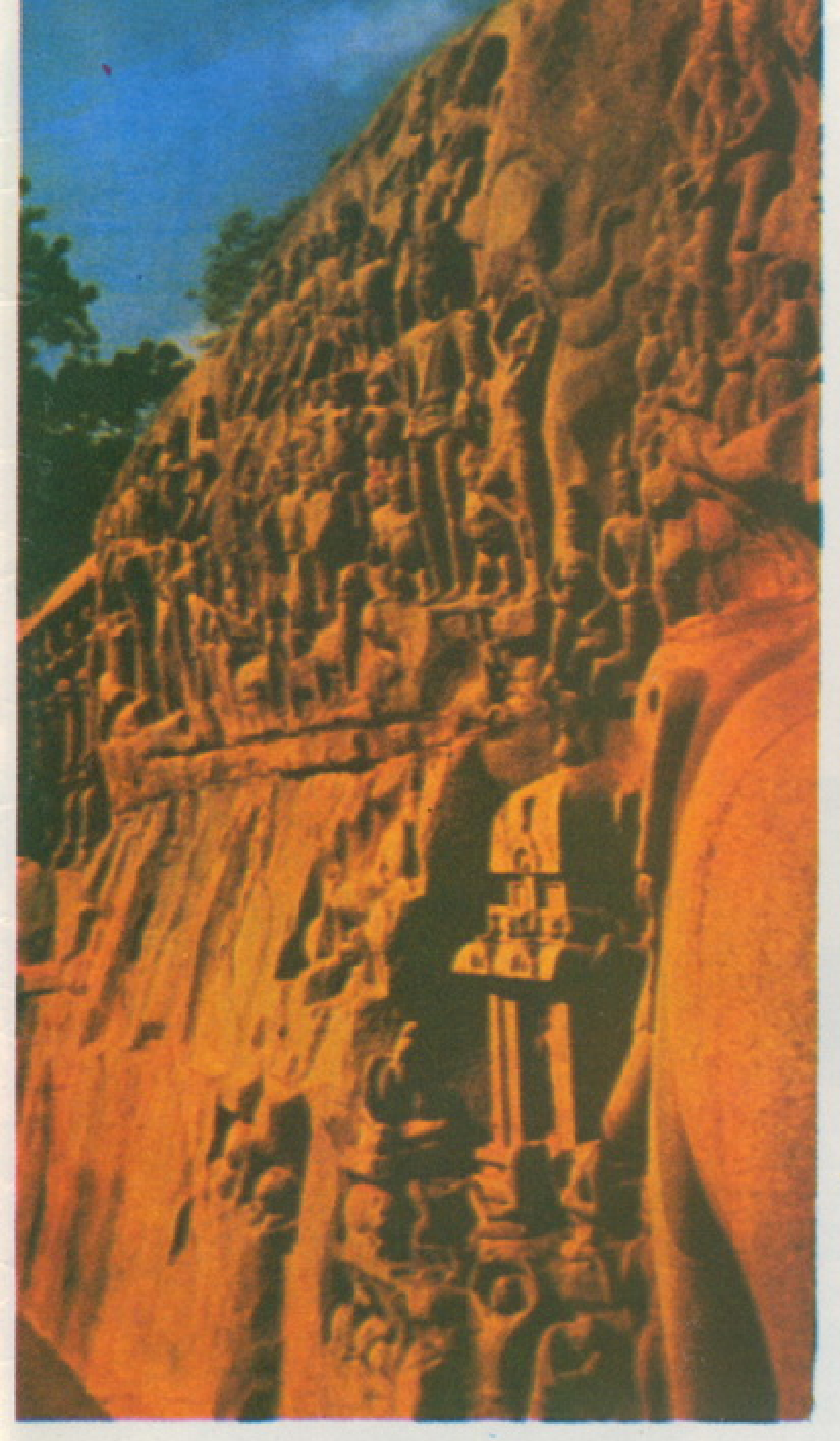
Прав был Фучик, написав о Черном: «Тюрьма не изменила его. Веселый, мужественный, он открывал отдаленные перспективы жизни другим, зная, что у него только одна перспектива — смерть».

Посмертно после победы над фашистской Германией правительство ЧССР наградило Яна Черного орденом Красной Звезды — за мужество, проявленное в борьбе против фашистов в Испании; Чехословацким военным крестом 1939 года — за участие в борьбе против гитлеровского фашизма и большой вклад в освобождение Чехословакии; Звездой I степени ордена Белого льва «За победу» — за выдающиеся заслуги перед Чехословакией.

Посмертно ему присвоено звание полковника чехословацкой Народной армии.

Его именем названы кооператив в родном селе и профессионально-техническое училище каменщиков в Годонине. Бригада токарей на заводе тяжелого машиностроения в Готвальдове зачислила его в свой коллектив и выполняет за него норму.

...Человеку, о котором мы вам рассказали, было отмерено немного — всего 32 весны. Такая короткая жизнь, если измерять годами. Такая большая, если и через десятилетия однополчане, сверстники числят его в своем строю, если новые поколения считают его своим.

РЕКА ВРЕМЕНИ

М. САЛГАНИК,
А. БУЛЫЧЕВ (фото)

Время странно ведет себя в Индии.

Река времени разливается здесь широко, образуя множество русл, которые можно принять за отдельные реки, течет то бурно, то едва приметно, меняет русла, оставляя застойные озерки...

Мы привыкли читать в учебниках истории: «на месте древней Месопотамии...» или «где некогда было Персидское царство...»

На месте современной Индии всегда была Индия, как бы далеко ни уходила наша мысль в сумрачные глубины истории. С древнейших времен и до последнего дня развитие индийской цивилизации и культуры никогда не прерывалось. Кровь строителей древних городов, моряков, плававших сорок пять веков назад к шумерским берегам, течет в жилах рабочих гидроэлектростанции Бхакра-Нангал.

На деревенской ярмарке продаются глиняные и терракотовые фигурки животных, неотличимые от тех, что археологи бережно достают из раскопок, а на женщине, которая торгует фигурками, точь-в-точь такие же браслеты, как на статуэтках небесных танцовщиц-апсар в Национальном музее в Дели.

Уютно поджав ноги, сидит толстенький бог со слоновьей головой — Ганеша. Правый клык у Ганеши обломан, он сломал его, когда торопился записать Веды — священные книги индусов, продиктованные людям богами. Старейшая из них, «Ригведа», появилась на свет за 15 столетий до начала нашей эры, но и посейчас читают из нее гимны во время молений.

За ведической эпохой следовала «эпическая»: были созданы величественные эпосы — «Махабхарата», повествующая о великой войне кауравов и пандавов, в которой участвовали даже боги, и «Рамаяна», рассказывающая о жизни, приключениях и торжестве справедливого царя Рамы, его супруги Ситы, многоглавого демона Раваны, владыки обезьян Ханумана.

В Индии сейчас всего 30 процентов населения грамотно, но в самой глухой индийской деревне можно найти сказителя, который лунными ночами рассказывает наизусть эти истории, не пропуская ни одного двустишия. Устная традиция так долговечна, обширна и сильна в этой стране слуховой культуры, что заставляет задуматься: позволительно ли в Индии считать неграмотных необразованными?

Более того, герои древних эпических поэм живы для индийцев так, будто они во плоти и крови только что общались с ними.

Это почти так на самом деле: персонажи великих поэм продолжают свои деяния на подмостках бродячих театров, в классических и фольклорных танцах, события их жизни вся Индия отмечает как всенародные праздники. Например, прелестный осенний праздник Дивали, зажигающий бесконечные огни, светящимся пунктиром очерчивающие всю страну, сверкает и расплескивает фейерверки в память о возвращении Рамы после скитаний.

Понятно, что эпизоды «Махабхараты» и «Рамаяны» не перестают и по сей день вдохновлять индийское искусство и литературу, и не случайно Ганди употреблял выражение «Рама-Радж» — «справедливое правление», когда ему нужно было объяснить миллионам цель борьбы за национальную независимость.

«Гений Индии — в способности синтезировать», — писал Неру.

Индия всегда впитывала в себя иноземные влияния и, освоив их, претворяла заимствования на свой лад. Может быть, этим объясняется поразительная стабильность ее культурного развития, может быть, поэтому Индия донесла до наших дней дух, слова и краски ушедших тысячелетий, сохранив их не как скелет динозавра — скорее как зерно из древних сосудов, способное прорасти и сегодня.

Если бы Индия была музеем, в ти-

хих просторных залах которого разместились бы для нас воспоминания о прошлом доброй половины человечества, ибо композитная индийская культура как раз с половиной человечества и соотносится, то музей этот вызывал бы только почтительное восхищение.

Но Индия живая, развивающаяся страна с многоязычным, этнически многообразным населением, которое по численности почти равно населению всей Африки и еще всей Латинской Америки. Индия не может отказаться от своего прошлого, как человек не может отказаться от своей наследственности, а необъятное это прошлое внесло в сегодняшний день вместе с непреходящими ценностями и такие чудовищные вещи, как кастовая система, браки между малолетними или ныне запрещенное самосожжение вдов. Прошлое, дожившее до будущего, низводит до нечеловеческого существования 80 миллионов неприкасаемых, тех, чье прикосновение оскверняет кастового индуса. Оно строит приюты для престарелых священных коров, исходя из того, что голодные, бездомные люди сами повинны в своих бедах — они несут справедливую кару за прегрешения, совершенные ими до того, как их души вселились вот в эти тела. Оно воспрещает вторичное замужество вдовам, даже совсем юным; вдовам полагается обривать головы, одеваться в траурный белый цвет и жить на задворках жизни.

Пережитки далеких веков и бурная современность переплетаются в Индии фантастичнейшим образом: недавно был создан объединенный профсоюз храмовых танцовщиц, которых правильно называть девадаси — служанки богов. Девадаси больше не желают жить при храмах и посвящать богам своих детей, обреченных на то же занятие потому, что оно испокон веков было делом этой касты.

Конституцией Индии запрещено употребление слова «неприкасаемый»: для них придумано название «хариджаны» — люди божьи. Но они бунтуют, требуя права быть просто людьми и на равных участвовать в строительстве новой жизни.

Индия вступила в четвертое десятилетие своей независимости. Победа в борьбе против почти двухвекового ига британского колониализма открыла перед страной огромные возможности и поставила огромное число сложных и зачастую противоречивых проблем, решать которые нужно безотлагательно: XX век торопит, и ему некогда ждать.

Сформулировав политику неприсоединения, Индия заняла авторитетное место в международных делах. Индия наращивает экономический потенциал, чтобы положить конец нищете, голоду, отсталости. Бешеным темпом растут города, заводские трубы стали непременной деталью городского пейзажа, трактор давно перестал быть диковиной в деревне. Тянутся бесконечные линии высоковольтных передач, с бензоколонок исчезла надпись «Шелл», сменившись названием национальной нефтяной компании «Индианойл». Возле Бомбея работает атомный реактор, гонят продукцию сталелитейные гиганты в Бхилаи и Бокаро, выстроенные с помощью Советского Союза, вводятся в строй новые гидроэлектростанции, комбинаты химических удобрений, так необходимые усталым индийским полям. Накручивает витки искусственный спутник «Бхаскара», сконструированный в Индии и взлетевший с советского космодрома. Проводятся кампании по ликвидации неграмотности, открываются новые школы и высшие учебные заведения.

И не то, что рядом с этим, а внутри, а вперемешку — примитивная соха, еле царапающая пересохшую почву совсем недалеко от величественных руин дворца императора, династия которого пришла в упадок уже к VII веку...

Одна из насущных проблем Индии, решать которую ей приходится буквально на ходу, заключается в том, чтобы критически разобраться в наследии прошлого, развить те его элементы, которые созвучны современности, отбрасывая все окостеневшее, грозящее стать тормозом на пути прогресса.

Борение старого с новым происходит, конечно, всегда и повсюду, но в контексте такой страны, как Индия, оно принимает особенно острый характер оттого, что традиционное зачастую отождествляется с самобытным, со «своим», а новое не столько даже с «иностранным», сколько с «чуждым», будоражащим память о недавних колониальных унижениях.

В силу этого для современного индийского художника, призванного осмыслить и отразить действительность, существующую в разных временных планах, этот туго переплетенный клубок жизненных противоречий, вопросы соотношения традиции и новаторства, национального и общечеловеческого носят отнюдь не академический характер.

Хорошо известно изображение Шивы-Натараджа, бога Шивы в космическом танце. «Жизнь — это ритм», — говорят в Индии. Танец Шивы символизирует движение жизни. Шива танцует в кольце космического огня, попирая карлика — прошлое. Длинные волосы змеями развеваются вокруг его головы, в одной из своих четырех рук Шива держит цимбалы, в другой — молнию, еще две руки изогнуты в ритуальной позиции.

С очень давних времен Индия, где философская, религиозная и эстетическая мысль долго оставалась нерасчлененной, создала сложную систему символов, через которые, в частности, находила пластическое выражение абстрактным философским концепциям.

Многорукие, многоликие боги и богини, изменяющие свой облик то на человеческий, то на звериный, а иной раз сочетающие в себе человека и животное, наделены противоречивыми свойствами, и в зависимости от преобладания свойств меняются их имена и атрибуты божественности.

Танцы, в которых боги будто ожи-

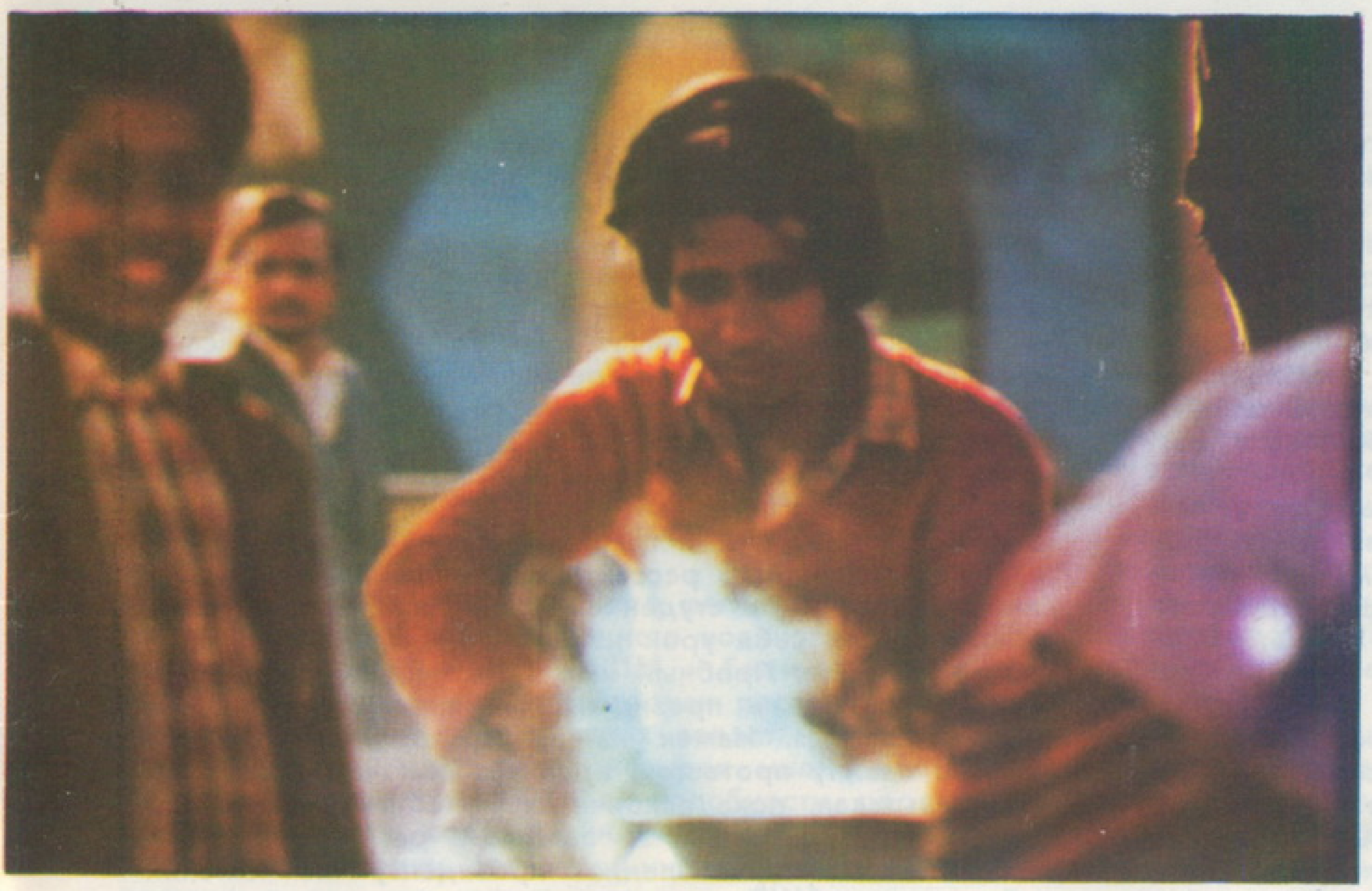

Утонченное и чувственное искусство Индии выражало в пластических формах единство жизненного начала и многообразие его проявлений, диалектическую неизменность перемен, величие человеческого духа, исходящего из земли и воспаряющего в космос.

Один из популярнейших символов Индии — лотос. Он уходит корнями в грязь бытия, но стебель его, поднявшись над чистой водой нравственного усилия, несет прекрасный цветок, лепестки которого сходятся к центру, к Человеку.

Эту символику, систему образов и метафор, не всегда легко понять людям, воспитанным в другой культурной среде. Однако, как писал когда-то наш крупнейший индолог С. Ф. Ольденбург: «При всех несомненных отличиях Востока от Запада Восток свою духовную жизнь строил и строит на тех же общих человеческих началах, как и Запад, живет по тем же общечеловеческим законам исторического развития».

Хотелось бы еще к этому добавить, что в наш век, когда сближение народов и установление взаимопонимания между ними стало диктатом времени, способность увидеть общечеловеческую суть сквозь непривычность оболочки выходит далеко за пределы простой любознательности.

вают. В индийском танце участвует все тело, и каждое движение и даже выражение лица имеет определенный смысл, уже не говоря о положении кистей и пальцев — существует целый код, и, меняя позиции рук — они называются «мудры», — танцующий рассказывает целые истории.

Цветовая символика, когда, скажем, синий цвет означает действие, оранжевый — чистоту, белый — сосредоточенное размышление...

Литературная академия Индии избрала своим девизом слова «Единство в многообразии». Действительно, лингвистическая карта Индии поразительно пестра, культурный ландшафт Индии по богатству и разнообразию может сравниться разве что с географическим разнообразием этой страны. И все же тысячелетиями совершенствовавшиеся формы архитектуры и танца, литературы и живописи, музыки и театра, равно как и сходный отклик, вызываемый общенациональными стимулами, свидетельствуют о внутреннем единстве духовной жизни Индии.

Самым мощным стимулом последних десятилетий было, безусловно, широчайшее движение народных масс Индии против господства британских колонизаторов, победное завершение которого открыло новую главу в долгой истории Индии, главу, не имеющую аналогий. Одним из последствий достижения независимости стала демократизация индийской культуры, острый интерес творческой интеллигенции к народному искусству, фольклору. Это «погружение в народную душу» характерно и для современных литератур Индии.

Если классическая литература ставила своей целью создание образов идеальных героев, которые призваны были служить моделями поведения для масс, то литература наших дней стремится к изображению действительности, и ее героями выступают обыкновенные живые люди с простыми человеческими горестями и радостями.

Лучшие писатели Индии отражают в своих произведениях воздействие тектонических сдвигов, сотрясающих страну, на жизнь, на психологию людей, живущих в бурную эпоху, невыразительно именуемую «переходным периодом». Под натиском стремительных перемен рушатся нормы жизни, казавшиеся неколебимыми, и новое требует выработки новой нравственности взамен унаследованной от предков. Классовое расслоение деревни — а в деревне живет 80 процентов населения Индии — ведет к распаду объединенной патриархальной семьи; урбанизация увлекает потоки переселенцев из деревни в город, где их ждет одиночество и отчужденность; женщина больше не довольствуется ролью покорной жены и требует признания своих прав; система просвещения нуждается в срочной переориентации на современный технологический лад, и студенческие беспорядки нарушают академическую чопорность...

Передовые, прогрессивные силы Индии стремятся освободить сознание народа от неразмышляющего подчинения догматам религии и традиции, сформировать активное отношение к жизни, основанное на трезвой оценке ее явлений, развить критическое мышление и волю к действию. Одни бросают вызов устоявшимся романтическим стереотипам, другие высмеивают старческую благостность обывателей или призывают дух юности в древнюю страну.

В Древней Индии говорили: нужно идти от ложного к истине, от тьмы к свету, от тлена к бессмертию.

Так течет и Река времени, в которую невозможно погрузиться дважды.

МЫ ПРЕОДОЛЕЕМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПОЧТЫ, СТАВШЕЙ ПУНКТОМ ВОЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Джеймс СТИЛ,
национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение (СМРО, США)

В понедельник, 21 июля этого года, у почтовых отделений по всей стране, от восточного до западного побережья Соединенных Штатов, с самого утра толпилась молодежь. Это необычное оживление продолжалось и в последующие дни. Молодые американцы зачастили на почту не потому, что их вдруг обуял эпистолярный зуд, не за конвертами и марками. Дело в том, что почтовое ведомство временно взяло на себя несвойственную ему функцию регистратора юношей призывного возраста.

Одни входили в помещение почты как ни в чем не бывало, другие плелись, опустив голову, третьи толпились у дверей, но не входили, а размахивали плакатами и хором скандировали: «Долой регистрацию!», «Стать воякой для «Тексако»? Наш ответ — нет!» [1]

Я глядел на шумливую, неунывающую молодежь, пикетировавшую почтовое отделение, вспоминал бурное время выступлений своих сверстников против войны во Вьетнаме на рубеже шестидесятых и семидесятых, сравнивал, радовался и тревожился. Радовался тому, что опыт нашего отчаянного протеста не забыт, пригодился нынешним девятнадцатилетним, что они действуют более слаженно, стали серьезней и взрослей, чем в свое время были мы, порой ненужной бесшабашностью подвергавшие риску и себя, и наше дело, что они не стали и не станут роботами, послушными окрику Пентагона.

И было тревожно: не к добру затеяна эта регистрация! Белый дом и конгресс уверяют, что она проводится «на всякий случай». Но, как говорится, лиха беда начало, и где гарантия, что вскорости после регистрации «на всякий случай» не будет объявлена мобилизация? А за мобилизацией не возникнет «жизненная необходимость защитить отечество» на неведомых передовых рубежах за дальними морями...

Американцам уже сейчас говорят, что многие «сферы наших жизненных интересов» находятся под угрозой, которую надо будет в случае чего отразить. А добровольцев, хотя бы и за деньги, лезть под пули ради «жизненных интересов» какой-нибудь «Тексако», как показывает опыт вьетнамской кампании, может не хватить. Потому и регистрация.

И как ловко было рассчитано для нее время — летние месяцы, пора студенческих каникул! Власти тоже извлекли для себя урок из нашего десятилетней давности протеста. Пробный шар был запущен еще в январе 1980 года в президентском послании «О положении страны». Намек на возможность регистрации вызвал лавину протестов, крупных демонстраций. Конгресс выждал, пока закончится учебный год, и обе палаты проголосовали за введение регистрации призывников и предоставление президенту полномочий объявлять призыв в армию. Картер тут же подписал этот акт. Уверения Белого дома, будто единственная забота администрации — это, конечно же, сохранение всеобщего мира на земле, не более чем риторика. Нет никаких оснований надеяться, что военно-промышленный комплекс откажется от такой внешней политики, которая ему выгодна. Не беда, если она приведет к новым Вьетнамам.

Тревожно и оттого, что регистрация предвещает — по опыту прошлого — дальнейшее раздувание ура-патриотизма, который в США выливается в «охоту на ведьм» — в травлю прогрессивных организаций, коммунистов, профсоюзных активистов, в буйное размно-

[1] *«Тексако» — одна из крупнейших нефтяных монополий США. — Здесь и далее примечания редакции.*

жение всякой расистской и ультраправой нечисти, вроде ку-клукс-клана и неофашистов.

Сенат уже готовит почву для такого развития событий. Полным ходом, без всяких задержек идет обсуждение законопроекта № 1722, призванного дать юридическую основу для репрессий против рабочих выступлений, против борцов за мир, для ограничения гражданских прав. Его раздел 1115 («Уклонение от воинского призыва или зачисления на службу») может быть использован против любого действенного проявления оппозиции военной политике правительства. Виновных ждет наказание: пять лет тюремного заключения и штраф от 25 тысяч до 250 тысяч долларов.

Все это наводит на мысль, что регистрация введена по соображениям не только чисто военного характера и даже не столько... Армия США и без того огромна. Только на иностранных территориях расположено более полумиллиона американских солдат. Регистрацией предполагается охватить до четырех миллионов 19—20-летних американцев. Особой надобности, продиктованной военными соображениями, в ней нет. Ведь в случае мобилизации для какой-нибудь заморской экспедиции в одну из «сфер интересов США» регистрация даст ничтожную экономию времени. К тому же все необходимые сведения о восемнадцатилетних правительственные учреждения имеют и без этой регистрации.

Для чего же она тогда нужна? Для острастки. Власти демонстрируют мускулы. Молодым как бы говорят: учтите, теперь вы на карандаше. А для строптивых шьется намордник — вышеупомянутый раздел 1115 законопроекта № 1722.

Если одной из побочных целей регистрации было запугать и рассеять антивоенное движение, представляющее собой очень пеструю в политическом отношении картину, то эффект оказался прямо противоположным. Предвидя попытки властей и правой печати навесить на противников регистрации ярлык «красных», мы очень тщательно формулируем свои заявления, чтобы не дать повода для юридических преследований. Нас много: молодежные и студенческие организации, профсоюзы, антивоенные объединения, женские организации. И по серьезному подходу, по организованности, зрелости наше движение, повторяю, ушло далеко вперед по сравнению со стихией протеста против войны во Вьетнаме.

Левые силы, и прежде всего наш союз и другие молодежные и студенческие организации, разумеется, видят свой долг в том, чтобы действовать инициативно и самоотверженно, но они видят свой долг также в том, чтобы действовать разумно и чтобы умело защитить демократические права тех, кто отказывается от регистрации.

Многолюдье у почтовых отделений вызывало еще одно ощущение — горечи. При виде тех, кто понуро, но шел. Журналисты теребили таких при выходе: ну что, зарегистрировался? «Да, — отвечал тот с неловкой усмешкой, — но я сделал это по принуждению, в душе я против». И таких среди зарегистрированных, боюсь, большинство. Они рассуждали так: «Ладно, пойду зарегистрируюсь. Вот если объявят набор, тогда уж откажусь. А может, меня и вообще не призовут...» В душе они действительно против, но подчиняются в надежде, что потом поднимется движение, которое заставит власти отказаться от принудительного набора в армию. Их можно понять: они боятся потерять работу, боятся попасть в список «смутьянов». В общем, я могу говорить только то, что сам слышал в разговорах с такими ребятами. Они колебались до того самого момента, когда вошли в почтовое отделение и зарегистрировались.

Во многих семьях старшие сыновья служили во Вьетнаме. Кто-то из них погиб, кто-то был ранен, кто-то, впрочем, вернулся невредимым и даже с наградами. Теперь на карту поставлена судьба младшего поколения. Что касается членов нашего союза, то многим из них как раз по девятнадцать-двадцать лет, и им самим приходилось решать, как поступить. Мы лишь обратили внимание наших товарищей и остальных молодых американцев на то, что они имеют конституционное и человеческое право не подчиниться закону о регистрации. Несколько организаций юристов обратились в суд, чтобы доказать неконституционность этого закона. Во всяком случае, многие ребята из нашего союза регистрироваться не пошли.

Несколько слов о совсем другой категории юношей, не ходивших ни на какую почту для регистрации. О тех, кто сам записался в армию. Служат у нас сейчас за деньги, и это обстоятельство для многих оказывается решающим. Но воинственные «ястребы» считают, что наемная армия недостаточно сильна перед лицом ими же выдуманной «растущей военной угрозы» со стороны Советского Союза. Они утверждают, что Соединенным Штатам надо увеличить свою армию. Сами собой возникают такие вопросы. В чем, собственно, выражается «недостаточная боеспособность» существующей американской армии? «Ястребов» беспокоит, в частности, что процент чернокожих солдат-добровольцев слишком высок. Им это не нравится потому, что они считают черную молодежь ненадежной. Что значит «ненадежной»? Подразумевается, что она не будет выполнять приказы — скажем, о защите интересов американских монополий в Южной Африке. Что она откажется, к примеру, подавлять негритянские бунты в самих Соединенных Штатах. А «ястребам» сейчас особенно нужна армия, готовая выполнять жандармские функции и у себя дома, и во всем мире.

Почему в армии США черных солдат «слишком» много, известно каждому. Армия для многих черных юношей — единственное прибежище от безработного, бесправного существования.

Скромные завоевания, добытые в 60-х годах черным населением в результате упорной и самоотверженной борьбы, так и не были расширены, несмотря на красивые обещания каждого нового кандидата в президенты. Из года в год растет разрыв в доходах белых и черных, усиливается дискриминация черных при найме и увольнении.

В мае этого года безработица среди черных достигла 13,7 процента по сравнению с 6,2 процента среди белых. А среди негритянской молодежи она составила 35,2 процента... Усиливается полицейский террор против чернокожего населения. Кажется, не проходит и недели, чтобы в том или ином городе полиция не убивала негров. Кровавая бойня в Майами многим открыла глаза на истинное отношение официальной Америки к своим черным пасынкам.

О чем больше всего толкуют люди в Бруклине[1], где я живу? Обсуждают ли они, к примеру, те вопросы, о которых я сейчас разговариваю с вами? Нет, на темы «большой политики» разговоров мало. Бруклинцы больше озабочены аварийным состоянием домов, в которых живут, квартплатой, безработицей. Конечно, они против роста расходов на армию. Лозунг «Деньги — для работы, а не для войны» понятен им, как никому другому. Но при этом армия видится молодым неграм местом, где можно получить работу, профессию, заработок и утвердить себя как личность.

Кстати, именно на этой психологической струнке неискушенного юнца умело играют средства массовой пропаганды, особенно телевидение. Журнальные страницы и телепередачи забиты рекламой, зазывающей молодежь в армию. Служба в армии превозносится как «великое приключение», как возможность получить работу, посмотреть мир, сделать карьеру. Картина военной службы рисуется прямо-таки сказкой. А рекламу у нас делать умеют. Обычно в рекламных роликах используется дискомузыка — возбуждающая, притягательная. Атака часто достигает цели — ведь нынешним восемнадцатилетним было лет по восемь, когда антивоенное движение в стране достигло пика. У них нет опыта антивоенной борьбы, и пропаганда делает все, чтобы отгородить их от антивоенных традиций молодежного и студенческого движения США.

Возврат к обязательной военной службе — составная часть общей стратегии монополий и правительства в отношении молодежи. Американский капитализм на нынешней стадии своего развития (а вернее сказать, упадка) не в состоянии использовать несколько миллионов молодых образованных рабочих. Идет сокращение производства, закрываются целые заводы, вводится автоматизация многих процессов, эксплуатация рабочих становится все беспощадней. И все это приводит к тому, что миллионы людей оказываются вышвырнутыми из жизни общества, лишними, никому не нужными. Естественно, в этих людях накапливается обида, отчаяние. Они винят в своем положении (и вполне справедливо) корпорации, политиков, всю общественную систему. Правительство понимает опасность таких настроений. И поэтому призыв на военную службу представляется ему как выход из положения. Армия какую-то часть лишних людей втянет в свою структуру, заразит их милитаристскими идеями, шовинизмом, антикоммунизмом, антисоветизмом. Поэтому на обязательный призыв в армию и на регистрацию монополии возлагают надежду как на «оздоровительное» мероприятие.

Одновременно с регистрацией американцев призывного возраста раздались призывы и к так называемой гражданской службе, то есть невоенному набору. Что это значит? Молодых набирают на «общественные работы» — строительство дорог, благоустройство и т. д. Это очень хитрый трюк. Молодые безработные оказываются как бы пристроенными, а на самом деле им платят значительно меньше установленного минимума зарплаты, на них не распространяются законы об охране здоровья и социального обеспечения в случае несчастного случая, они не являются членами профсоюза. Этот трюк разряжен в красивые фразы: мол, как вы можете что-то требовать, ведь речь идет о благородном деле — службе отечеству. В «гражданской службе» кроется опасность для профсоюзного движения, так правительство пытается отнять у рабочих и профсоюзов уже завоеванные ими позиции — например, твердый минимум оплаты труда.

Таковы некоторые аспекты борьбы молодых коммунистов и других прогрессивных сил Соединенных Штатов против политики милитаризации нашей экономической и общественной жизни. Сопротивление закону о регистрации, подхлестнувшее в этом году волну антивоенного движения США, было, как видите, только частью более широкого круга проблем, с которыми сталкивается наша молодежь. Были у нас и удачи и неудачи. Но, как поется в одной из самых любимых наших песен: «We shall overcome!» — «Мы преодолеем!»

Записал Б. СЕНЬКИН

---

[1] *Район Нью-Йорка с преимущественно черным и цветным населением.*

«ДОБРОВОЛЬЦЫ» АМЕРИКИ

Майкл ДЕЙЛИ,
американский журналист

Был ежегодный карнавал Мидвудской средней школы, и в дальнем конце спортивной площадки напротив аттракционов музыканты двадцать шестого оркестра Восточных войск армии США настраивали свои инструменты. Капрал опробовал звучание электрической гитары, в это время два дюжих сержанта-вербовщика стояли за маленьким столиком и раздавали рекламные брошюрки. Грянули духовые, и резкий звук гитары пронесся над асфальтом. Оркестр взял хороший темп рока. «Мы новое поколение, которое курит лучший табак», — пропели певцы.

Девятнадцатилетний Томас Пауэрс подошел к столику вербовщиков и взял брошюру об артиллерии. Она начиналась словами: «Представьте себе самый сильный гром, который вы когда-либо слышали. Многие артиллеристы будут вам рассказывать, что, когда они стреляли из этих больших орудий в первый раз, их трясло. Не потому, что земля содрогалась, нет. Это был благоговейный трепет до дрожи в коленях перед силой, за которую они теперь несли ответственность. Эта ответственность — результат и награда за величайший выбор, который вы сделали, поступив на службу в артиллерию». Пауэрс открыл вторую книжицу: целый разворот был посвящен бронесилам. «Бронесилы называют решительной рукой армии, — прочитал Пауэрс. — И вы бы поняли почему, если бы увидели танк в действии...» Пауэрс уставился на танк, изображенный на обложке буклета. Он уже видел фотографию точно такого же танка раньше, на моментальном снимке, который его брат прислал ему из Вьетнама. Эта фотография прикреплена над его кроватью и сейчас. Если он очень внимательно присматривается к голове, торчащей из орудийной башни, то может разобрать улыбку на лице брата.

Спустя три дня после того, как пришла эта фотография, мать Пауэрса получила телеграмму от генерала Вильяма Уэстморленда.

«Примите, пожалуйста, мое глубочайшее сочувствие по случаю гибели Вашего сына, солдата Тимоти Пауэрса, третьего марта во Вьетнаме, — писал генерал. — Я знаю, что потеря близкого человека — одна из самых трагических минут в человеческой жизни, но я искренне надеюсь, что Вы найдете некоторое утешение, зная, что Ваш сын служил своему народу с честью. Его преданная служба была в лучших традициях американских солдат на других полях сражений, в другие моменты национальной опасности». Позже Пауэрс узнал, что танк его брата был подбит по ошибке 105-миллиметровой американской гаубицей с круговым сектором обстрела. Такая же пушка была изображена в брошюре по артиллерии. Пауэрс положил буклет назад на стол.

Когда духовые стали играть в спокойном ритме, солист заговорил: «Я не знаю, чего вы все ждете от будущего, но если кто-то из вас еще не решил, что он будет делать, когда закончит среднюю школу, то для таких здесь у нас есть джентльмены: они набирают солдат для армии США».

Какой-то парень остановился рядом с Пауэрсом и похлопал по плечу солдата Роберта Мейнора. «Скажите, — сказал он, — если я вступлю в армию, смогу я попасть в оркестр?» — «Вы играете на чем-нибудь?» — спросил Мейнор. Юноша покачал головой. «Возможно, вы не попадете в оркестр, — продолжал Мейнор, — но в армии есть масса других вещей, которые она может вам предложить».

Мейнор сам поступил на военную службу три месяца назад. Он был безработным два с половиной года, с тех пор, как закончил среднюю школу имени Авраама Линкольна. Правда, надо исключить те девять

дней, когда ему удалось немного подработать.

— Как только мои обязанности вербовщика окончатся, я собираюсь изучать компьютер, — продолжал Мейнор. — А потом я хочу начать свое собственное дело.

Парень, который хотел попасть в оркестр, ушел.

— Думаете, получите работу, когда кончите службу? — спросил Мейнор у Пауэрса.

— Я без работы с июня, — сказал Пауэрс. — Я закончил эту школу.

— Что вы умеете делать? — спросил Мейнор. Пауэрс рассмеялся. Утром он сел в автобус и поехал в магазин одежды недалеко от Форта Гамильтон Парквей. Это было двадцать девятое место, куда Пауэрс обратился в поисках работы. В двадцать девятый раз его встретили тем же самым вопросом, который только что задал Мейнор. Пауэрс отвернулся от стола и указал на среднюю школу:

— Я ничего не умею. За все время, что я провел в этой школе, я не научился ничему, что могло бы помочь мне получить какую-нибудь работу.

— Почему бы вам не заполнить? — спросил Мейнор. — Эта анкета справочного характера. Она вас ни к чему не обязывает. Заполните ее, и вербовщик свяжется с вами. — Мейнор дал Пауэрсу ручку. Пауэрс заполнил анкету и взял пособие по проверке способностей для Вооруженной службы профессиональной артиллерии.

Это было в среду. А в четверг утром Пауэрс вышел из своей комнаты на Бедфорд Стивисэнт и обнаружил, что его мать сидит в гостиной на стуле, повернувшись лицом к стене. Давняя телеграмма от генерала Уэстморленда лежала у нее на коленях.

— Армия США призвала тебя сегодня утром, — сказала она, глядя в глухую стену. — Ты собираешься вступить в армию?

— Да, — ответил Пауэрс, выходя из комнаты и устремляясь вниз по лестнице.

Он пришел домой в тот вечер с направлениями на врачебный осмотр, на тест по выявлению способностей и на экзамен на пункте для вступающих в армию.

Темнело, и с улицы он мог видеть, что света в его квартире не было. «Это, — подумал он, — означает, что мать все еще сидит на своем стуле и смотрит на стену».

Пауэрс поднялся по улице к дому Вилли Вейла. Каждый вечер друг Пауэрса Вейл вытаскивает телевизор из своей квартиры на первом этаже и устанавливает его на ящик для мусора на тротуаре. За двадцать пять центов за вечер Вейл позволяет людям сидеть и смотреть его телевизор. Ночная передача стоит дополнительно десять центов. Пауэрс кивнул в знак приветствия ребятам, которые группами расположились вокруг телевизора, и забрался на крышу старого «форда», чтобы посмотреть программу «Гавайи 5-0». На экране, стройная белая женщина натирала мебель в огромной, залитой солнечным светом гостиной. «Это вещество для очистки мебели,— сказала она, — содержит сок целого лимона». «Женщина, — подумал Пауэрс, — напоминает женщин, изображенных в армейских брошюрах».

Реклама закончилась, и, как только человек с ножом побрел по крышам Гонолулу, Пауэрс понял, что он уже видел эту программу. Он достал из кармана брошюрку — пособие для проходящих тесты на выявление способностей — и начал читать. Он дошел до середины брошюры и взялся за тесты-образцы.

«Какие из следующих стран не расположены в Центральной Америке?» — спрашивалось в первом вопросе. Пауэрс перешел ко второму вопросу: «В какой из представленных позиций (дана ситуация из игры в теннис) следует переиграть мяч?» Пауэрс изучил возможные ответы и бросил брошюру на землю.

Двоюродный брат Вейла, Родни Вашингтон, вышел из дома и сел рядом с Пауэрсом. «Вы служили в армии?» — спросил Пауэрс. «Во флоте, — ответил Вашингтон. — Я был письмоводителем на подлодке». — «Вы чему-нибудь научились?» — «Я не приобрел никакой специальности, если ты это имеешь в виду, — сказал Вашингтон. — Но я узнал некоторые военные тайны». — «Какого рода?» — спросил Пауэрс. «Вроде того, как долго атомная подлодка может оставаться на дне». — «Ну и как долго?» — «Я не могу тебе сказать, — ответил Вашингтон. — Это тайна». — «Ты получил работу?» — спросил Пауэрс. «Нет, — сказал Вашингтон. — Я получил только тайну на хранение».

— Я не хочу попасть в канцелярию, — сказал Пауэрс своему вербовщику, когда прибыл в Форт Гамильтон на следующее утро к назначенным восьми часам.

— Вы откуда? — спросил чиновник.

— Из Бруклина, — ответил Пауэрс.

— Подождите окончания теста, тогда поговорим о том, что вы хотите делать, — сказал вербовщик. — Из мелкобуржуазных округов, таких, как графство Несью, почти 100 процентов испытуемых проходят тесты, а из Бруклина почти 40 процентов кандидатов проваливаются.

— Вы прошли, — сказал вербовщик Пауэрсу после трехполовиночасовых экзаменов. — Вы аттестованы во всех областях, кроме канцелярской и электронной. Хотите быть медиком или механиком?

В отличие от кандидатов из графства Несью, которые обычно выбирают «опасные назначения», такие, как солдаты для джунглей или танкисты, большинство поступивших на военную службу из Бруклина записываются на профессиональное обучение.

Потом Пауэрс подписал контракт, в котором он давал согласие служить в течение трех лет. Армия, в свою очередь, подтверждала свое согласие обучить его профессии механика.

Понедельник был днем поминовения усопших, и по дороге на кладбище к могиле брата Пауэрс читал памятку для солдат. Она начиналась словами: «Когда вы выйдете из автобуса на приемном пункте, некоторые из вас будут поражены, увидев множество людей, сосредоточенно выкрикивающих слова приветствия. Так начинается процесс перерождения, который сделает из вас, человека штатского, солдата. Рады вам сообщить, что абсолютное большинство новобранцев выдерживает этот курс обучения».

Пауэрс выскочил из автобуса и миновал часовню под готику с выступающими водосточными трубами в виде фантастических фигур. Он прошел до конца длинного ряда надгробий. Там рядом с жертвами гражданской войны в Испании лежал брат Пауэрса. Еще днем Пауэрс купил красный пластмассовый цветок у представителя ветеранов войн за рубежом. Пауэрс положил искусственный цветок на могилу и ушел. По пути домой он прочел оставшуюся часть брошюры.

«Запомните напоследок. Вы рядовой роты, присутствующей во время спуска флага на плацу. Ваш плац — пыльная четырехугольная площадка на чужой земле. Может быть, во время этой традиционной церемонии вам доведется услышать такое исполнение нашего гимна, какое ни один штатский никогда не услышит. И эти минуты вы никогда не забудете, даже если проживете и сто лет».

Брат Пауэрса умер, когда ему было восемнадцать. Он вступил в армию, чтобы научиться ремонтировать радиоприемники. «Армия — это была единственная работа, которую он смог найти. Так же, как я», — подумал Пауэрс, когда автобус повернул к призывному пункту.

«ОНИ НЕ ПРОДЕРЖАЛИСЬ БЫ И ПОЛДНЯ»

Роберто ДЖАРДИНА, итальянский журналист

Сальвадор — страна, где живут 14 семейств, остальные погибают или медленно от голода, или сразу от руки наемных убийц — так говорят о своей родине сами сальвадорцы. 14 семейств владеют 60 процентами обрабатываемых земель и почти всеми промышленными предприятиями. Только 16 процентов трудоспособного населения имеют постоянную работу, остальные перебиваются случайными заработками. Каждый второй сальвадорец не умеет читать и писать, каждый второй из родившихся детей умирает, не дожив до пяти лет, от голода и болезней. Интересы 14 семейств, тесно связанных с американскими монополиями, вот уже более пятидесяти лет охраняют военные режимы.

Нынешняя правящая хунта пришла к власти в октябре 1979 года, свергнув ненавистного народу генерала Умберто Ромеро. Очередной военный переворот был совершен по указке США и носил упредительный характер. Напуганные событиями в Никарагуа, американские монополии и местная олигархия решили сменить президента-диктатора более привлекательным правительством. Для «привлекательности» в правящую хунту были введены представители христианской демократии, было объявлено о проведении аграрной реформы и национализации банков. Аграрная реформа не затронула владения латифундистов (были распределены только неудобные для обработки, заброшенные земли), но зато позволила ввести в деревни карательные отряды. Национализация банков, естественно, не коснулась американских банкиров и местных крупных финансистов.

Манипуляции с формированием военно-гражданской хунты и реформами вызвали такое возмущение в самых широких слоях населения, что страна оказалась на пороге гражданской войны. И тогда хунта предоставила свободу действия всем ударным отрядам реакции: от помещичьих банд, лютующих в деревнях, до военизированных фашиствующих группировок в городах.

Сальвадорская реакция действует рука об руку с Вашингтоном. США отвергают «радикальные» перемены в Сальвадоре и помогают хунте оружием, деньгами, обучают наемников, наводнили страну военными советниками. Военно-морские силы США готовы в любой момент блокировать побережье Сальвадора, на границах Сальвадора с Гватемалой и Гондурасом созданы «санитарные кордоны», чтобы никакая помощь не просочилась к восставшему народу. Но несмотря на террор и репрессии, народ Сальвадора продолжает борьбу. Важное значение имеет политическое объединение всех оппозиционных сил, создан общий штаб организаций, признающих необходимость вооруженного восстания, образован революционно-демократический фронт. Цели освободительного движения сформулированы так: создать революционно-демократическое правительство и осуществить глубокие политические, экономические и социальные изменения в интересах большинства сальвадорцев.

Женщина, с которой я беседую, молодая, очень энергичная, ждет ребенка. Она показывает мне цветные фотографии убитых: мужчин, убитых выстрелами в затылок, женщину, которую убили, выстрелив в живот.

Я нахожусь в «пункте юридической помощи» сан-сальвадорской епархии, в двух шагах от американского посольства и в нескольких ста метрах от университета, занятого военными в конце июля.

«Пункт юридической помощи» продолжает деятельность архиепископа Сан-Сальвадора Ромеро, убитого 24 марта: каждую неделю выходит бюллетень, в котором сообщаются имена погибших и пропавших без вести («они никогда не находятся»), называются фамилии виновных. В марте погибло 591, в апреле — 530 человек. С января по сентябрь погибло 8 тысяч человек, то есть примерно в десять раз больше, чем в прошлом году. Июль начался с рекорда: 57 человек были убиты в ночь с первого на второе.

«Все это жертвы насилия крайне правых и крайне левых, порочный круг мести и ненависти, который мы никак не можем разорвать, — пытался объяснить член сальвадорской хунты Хосе Наполеон Дуарте во время своей недавней пропагандистской поездки в Европу. — «Эскадрон смерти» убивает левых деятелей. Те отвечают ударом на удар». Дуарте — христианский демократ точно так же, как второй невоенный член хунты Антонио Эрлих, и он пытается использовать это, чтобы установить связи и приобрести популярность в международных кругах.

«В действительности же эти люди и кое-кто еще представляют лишь самих себя, — сказал мне один священник, имени которого я не могу назвать. — Они создают алиби для военных, которые захватили власть в октябре прошлого года. Хунта использует в качестве прикрытия эту мнимую христианскую демократию, чтобы изобразить себя посредником, стоящим над двумя противоположными экстремистскими группировками. Однако члены христианско-демократической партии ведут борьбу с группами национально-освободительного движения, а самые осторожные из них отошли от политики в ожидании лучших времен. Насилие — это дело рук правительства. «Эскадрона смерти» не существует. Это военные, национальные гвардейцы, которые в этих случаях действуют в штатском. По приказу своих начальников они убивают по ночам противников, которых те считают опасными, таких, как монсеньор Ромеро, либо убивают всех подряд, чтобы создать обстановку террора».

Сан-Сальвадор называют «осажденным городом»: с наступлением комендантского часа все жители запираются в своих домах. Никто не гарантирован от опасности попасть в число «подозреваемых», потому что подозрительными считаются все: рабочие, врачи, школьники. Все население Сальвадора. Для его устрашения проводятся «карательные акции». Людей убивают просто так, «для профилактики». «Если мы хотим умиротворить страну, — объявили журналистам члены правящей хунты Альваренга и Иберета, — то нам нужно «исключить еще 500 тысяч человек». Это «исключить» надо понимать как убийство полумиллиона невинных граждан из четырех миллионов населения Сальвадора.

Кого же защищает режим хунты, чьи интересы он сторожит? Четырнадцать семейств богатых землевладельцев, на которых работает три пятых всего населения страны. Бедствуют и горожане и крестьянство. Высокая детская смертность и низкая продолжительность жизни, хроническое недоедание и периодический голод, нищета и безработица — вот сущность режима хунты.

Подлинная власть находится в руках трех военных — членов хунты — полковника Хайме Абдула Гутьерреса, сильного человека режима, министра обороны полковника Гарсиа и полковника Махано, поддерживаемых Соединенными Штатами. «Если бы не помощь американцев, — говорит мой собеседник, — они не продержались бы и полдня».

И полдня я ждал в президентском дворце, прежде чем меня принял Гутьеррес, доказав тем самым свою «демократичность», ибо это человек необычайно занятый и очень влиятельный.

«Тридцать, пятьдесят погибших в день? — говорит с улыбкой Гутьеррес. — Это все пропагандистские выдумки! Иностранных журналистов обманывает Комиссия прав человека, которая действует заодно с левыми. Они включают в это число также погибших во время автомобильных катастроф, пьяных, заснувших на тротуарах... Кроме того, эти священники... Это они ведут пропаганду, и, что хуже всего, они связаны с ультралевыми, они марксисты. Они организуют выступления крестьян... Они используют религиозные церемонии для инструктирования профсоюзных деятелей. Они ведут разлагающую пропаганду среди рабочих».

Вопрос: А монсеньор Ромеро?

Ответ: Я думаю, что это был правильный человек, хороший человек... Он действовал во имя блага своих верующих, как пастор церкви. Но я думаю, что в последнее время его действия, очевидно, инспирировали все эти попы стран, где нет порядка.

Вопрос: Как вы считаете, какие меры следует принять как можно скорее, чтобы восстановить мир в стране?

Ответ: Мы проводим аграрную реформу. Мы экспроприировали около 250 хозяйств, в которых было более 500 гектаров земли, а также некоторые хозяйства площадью менее 10 гектаров, потому что они были непроизводительными. Были созданы кооперативы при технической и аграрной помощи правительства; их руководители были выбраны из представителей крестьян... Из-за недавних волнений производство кофе и хлопка сократилось. Существует безработица в строительной промышленности. Туризм заглох... Но мы уже постепенно преодолеваем критическую точку.

Действительность совершенно непохожа на ту картину, которую пытается нарисовать полковник Гутьеррес, инженер по образованию, что́ он всячески старается подчеркнуть.

«Крестьянам не оказывается никакой помощи. Старые землевладельцы

покинули фермы, и крестьяне не знают, что делать, — сказал мне представитель революционно-демократического фронта в беседе, организовать которую было чрезвычайно сложно из-за конспиративных соображений. — В так называемых кооперативах, которые создает хунта, руководители — расисты из фашистской военизированной группы «ОРДЕН», насчитывающей около 60 тысяч членов. Тех, кто возмущается или протестует, убивают, и крестьянам не остается ничего, кроме бегства: они ночуют в лесу, чтобы их не застали ночью врасплох». Мой собеседник вручает мне список, составленный фашистами и подписанный: «Тайная антикоммунистическая армия», список лиц, подлежащих уничтожению «во что бы то ни стало», и насчитывающий 290 опасных противников... Первым в этом списке назван Шафик Хорхе Хандаль, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Сальвадора, вторым — священник, известный прогрессивными взглядами. Человек десять уже убиты. Программа предусматривает «безотлагательное физическое устранение», помимо политических деятелей, и участников «подрывных действий», также всех вызывающих подозрение.

Несмотря на репрессии и строгие запреты, продолжаются забастовки, сальвадорские патриоты проводят успешные военные операции, ширится число участников в действиях революционно-демократического фронта. Это так народ поддерживает хунту?

«Неверно, — отвечает Гутьеррес. — Это коммунисты терроризируют трудящихся, и людям трудно выходить на работу. Но забастовки закончились провалом».

«Нашим первым большим успехом, — отвечает на это представитель революционно-демократического фронта, — была двухдневная забастовка в конце июня. Страна оказалась парализованной целиком и полностью. Все магазины были закрыты, хотя торговцы знали, что они рискуют навлечь на себя месть членов группы «ОРДЕН», которые могут покончить с каждым ударом мачете. После забастовки Соединенные Штаты начинают задумываться: а не заменить ли хунту другим, но точно таким же по существу правительством? В ответ на забастовку Гутьеррес и другие члены хунты приказали войскам занять университет».

Но, спрашиваю я у Гутьерреса, разве это не самоубийственная операция? Оккупировать университет для любого режима — это значит лишить себя симпатий интеллигенции и молодежи.

«Занятие войсками университета было делом случайным, незапланированным, хотя я могу сказать, что народ этого требовал. Университет стал не только центром всех подрывных действий, но и очагом уголовной преступности. Все украденные автомашины прятали в университете... Мы нашли там даже трупы». «Это были препараты, хранящиеся на кафедре анатомии», — объясняют преподаватели университета.

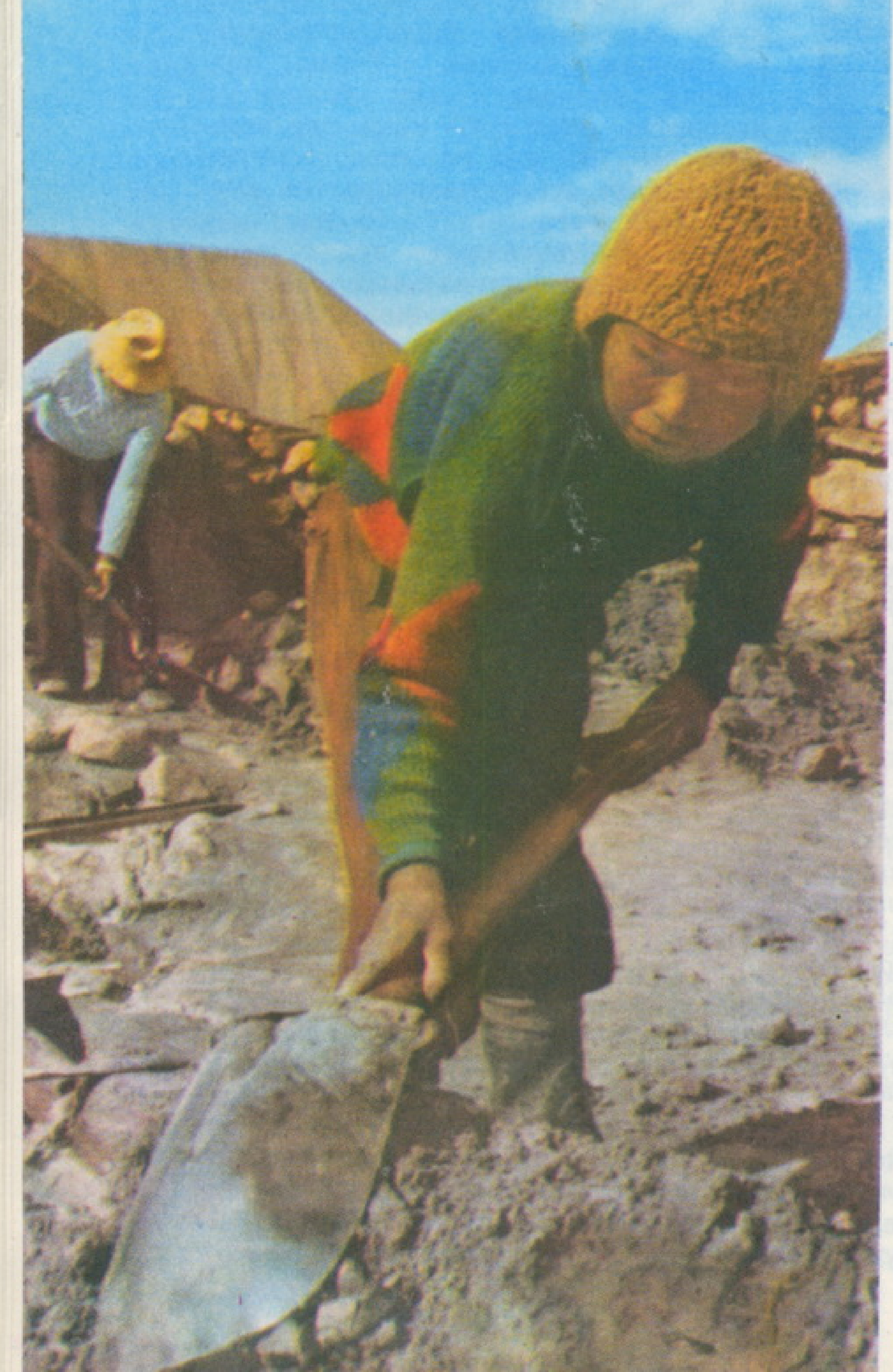
«Где же выход?» — спрашиваю я у члена революционно-демократического фронта.

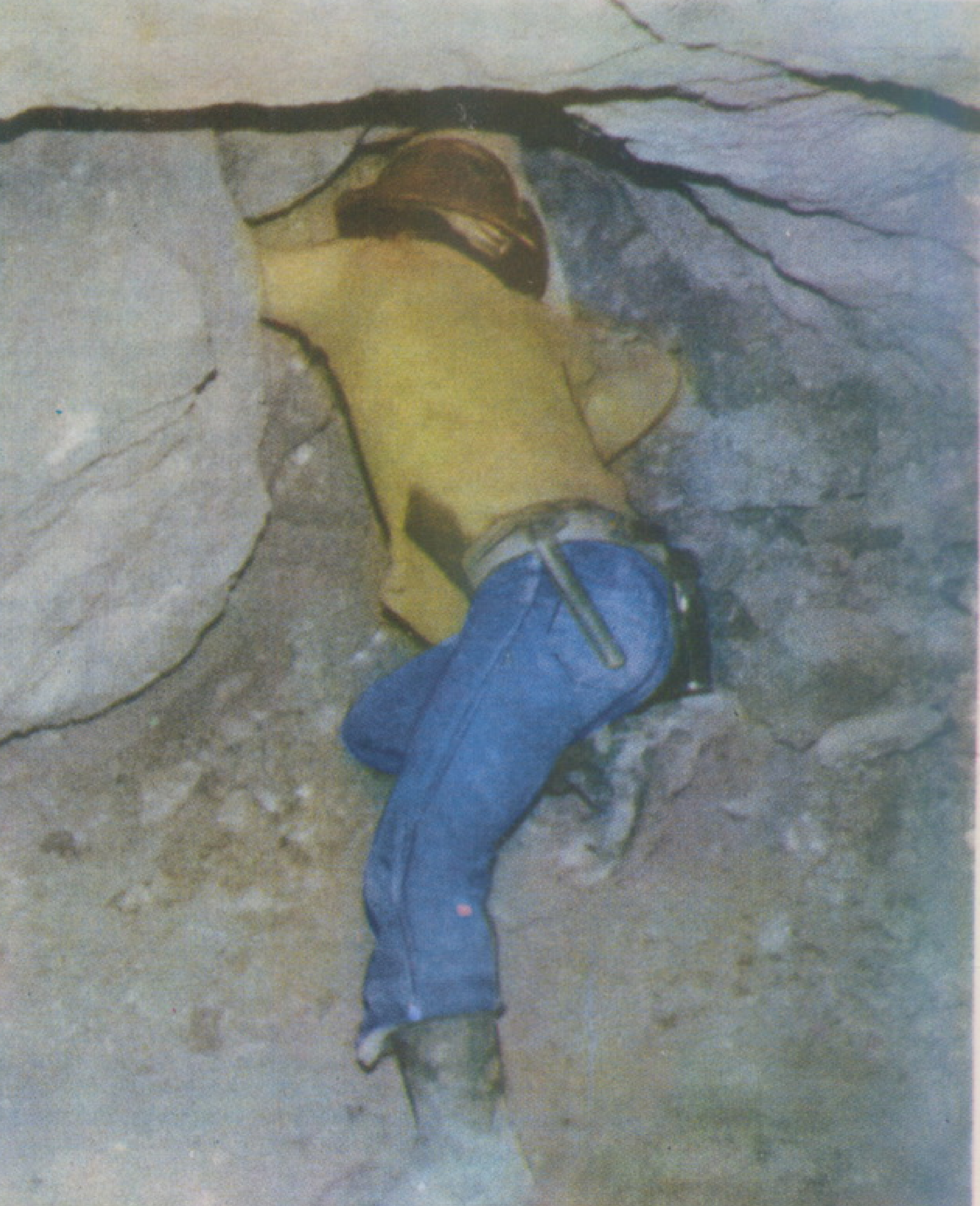
«Вооруженное восстание, причем отнюдь не из стремления к решению проблемы с применением силы во что бы то ни стало. В Сальвадоре происходит подлинный геноцид. Хунта собирается уничтожить полмиллиона человек, чтобы «умиротворить» страну. Мы не можем ждать, пока нас будут убивать день за днем. Различные группы сопротивления, — поясняет он, — объединились, разработали общую программу (подлинная аграрная реформа, подлинная национализация банков и экспорта). Этот союз пока еще несовершенен, но мы на верном пути».

На какие же силы опирается хунта? Она располагает 16 тысячами солдат, 6 тысячами полицейских, 5 тысячами национальных гвардейцев и 7 тысячами служащих финансовой и таможенной полиции. Но не это главные силы.

Соединенные Штаты из страха перед «вторым Никарагуа» послали в последние месяцы в Сальвадор оружие на 18 миллионов долларов, 30 боевых вертолетов, число военных советников Пентагона возросло с 36 до 200. Считается установленным фактом, что американские военные советники принимают участие в карательных экспедициях против сальвадорцев. Американские морские пехотинцы участвовали в «освобождении» хозяйства, занятого крестьянами в районе Санта-Аны. Там погибло 120 крестьян.

«Американцы помогают нам своими техническими специалистами и специалистами по сельскому хозяйству, — признает Гутьеррес, — но никак не в ходе полицейских операций. Это запрещает наш закон». Это звучит как злая шутка в городе, где разъезжают на «кадиллаках» и умирают от удара мачете.

смотрите. XX век: жизнь, труд, борьба
БОЛИВИЯ

Только за последние два года их было четыре. За полтораста лет — 189. Как в этой кутерьме переворотов живет боливийский народ, можно представить по снимкам. Труд от зари до зари, от мала до велика, труд в ужасающих условиях. И все равно нищета. Почему? Ответ на этот вопрос остался за кадром: баснословные барыши местной аграрной и промышленной буржуазии; погрязшие в коррупции генералы, готовые потопить в крови любую попытку лишить их высоких постов и прибыльных должностей; американские «друзья», видящие лучшую гарантию собственных интересов в установлении в Боливии «порядка» по чилийскому образцу.

Но за кадром осталась и непрекращающаяся борьба свободолюбивого народа, первым в Латинской Америке поднявшегося с оружием в руках против империалистов и одержавшего победу в восстании 1952 года. И зреющая решимость, и непреклонная воля боливийцев, неизменно отдающих свои голоса на выборах представителю блока левых сил — Фронта демократического и народного единства (ФДНЕ). Чтобы не допустить к власти законно избранного президента — представителя ФДНЕ Эрнана Силеса Суасо, и понадобился в июне 1980 года диктаторский режим, уже бросивший за решетку свыше 700 политических и профсоюзных деятелей.

Есть у латиноамериканцев пословица: со штыками можно делать что угодно, но сидеть на них нельзя. И чем более свирепствует реакция, тем сильнее гнев народа.

Приговаривая: «Будешь уродом! Будешь уродом!», кухарка мадам В. разламывает длинную швейную иглу, несколько раз опускает ее в стакан с уксусом и наконец втыкает в вату. Входит хозяйка дома, кухарка прерывает колдовство. И невозмутимо, словно спрашивая, как приготовить баранью ногу — прожарить или оставить с сырцой, говорит: «Дочка решила выйти замуж. А я уверена, что она будет несчастлива с этим типом. Ну уж теперь-то она призадумается — кто же выходит замуж за урода?»

сон разума

Морис МАШИНО,
французский журналист

Подобная смесь разума и предрассудков (от брака которых, по словам социолога Андре-Клемана Декуфле, рождаются чудовища) — не это ли один из наиболее тревожных признаков нашего времени?

Послушаешь самых разных людей, и действительно начинает казаться, что являешься свидетелем отхода от рационального мышления: прислуга в доме наводит порчу; ученый занимается «трансцендентальной медитацией»; депутат, «как все», читает гороскопы... Прорицатели, медиумы, ясновидцы и астрологи пользуются все большей популярностью: 12 процентов американцев увлекаются магией. Чародеи, подобно ученым, собираются на всемирные ассамблеи: последняя из них состоялась в 1976 году в Боготе, а в 1975 году в Блуа открылся первый Международный центр магии.

Возможно, это реванш тех, кто многого не знает и многого не может? Все происходит так, словно самые замечательные достижения науки и техники (ЭВМ, межпланетные ракеты, пересадка внутренних органов) усиленно подстрекают к созданию антитехники. Она нужна, чтобы с помощью уловок воображения вновь обрести утраченное господство над окружающим миром: ведь магия — это техника обездоленных. По-своему — с помощью трав, соли, крови цыпленка — они хотят «воздействовать» на предметы и живые существа. На расстоянии. Минуя долгую, трудную и порой скучную работу тех, кто вычисляет и экспериментирует. Маленький, беспомощный человек мечтает стать могущественным. Одним словом, он хочет наводить порчу или исцелять, одним жестом возвращать любимого.

«Возьмите восковую свечку... В пятницу вечером (пятница — день Венеры, а следовательно, и влюбленных) воткните сбоку свечки две булавки на расстоянии 2—3 миллиметров одна от другой, затем зажгите фитиль и подождите, пока не упадет первая булавка. Внимание! Начиная с этого момента нужно мысленно сосредоточиться и усиленно думать о неверном... Мы живем в двадцатом веке, поэтому в довершение своих действий вы можете поставить позади свечи фотографию любимого...»

Сильвия П., только что прочитавшая нам этот отрывок из «Пти Гримуар» — ежемесячника тайн и магии, сама еще не прибегала к подобной практике. «Пока нет», — говорит она, улыбаясь. Зато она уже овладела гаданием на картах, маятнике, хрустальном шаре. «До посвящения в тайны магии я сомневалась в себе, никогда не знала, что и как делать. А теперь я обрела веру. У меня есть друг. Он собирается жениться на другой женщине. Но я ни о чем не беспокоюсь — благодаря моему притяжению он все равно будет принадлежать мне».

Парижанке Сильвии П. двадцать три года, она дочь чиновника, студентка-историк.

А недалеко от ее дома расположено министерство, где, случается, странно замедляется ход финансовых дел. Причина: чиновник, подписывающий платежные ордера, регулярно служит черные мессы, наглухо закрывшись в своем кабинете. Патрон (министр) не осмеливается

ничего сказать ему — того и гляди навлечешь на себя порчу...

Не все еще, разумеется, пользуются магией — компенсирующим или защитным средством в мире, неподвластном человеку. Многие по-прежнему предпочитают прибегать к услугам врача, а не медиума, ветеринара, а не знахаря. Но даже среди тех, кого образование или профессия не оставляют безоружными перед «тайнами» мира, вера в сверхъестественные силы и явления чрезвычайно распространена. Заполняя анкету, предназначенную для проверки их легковерия, 77 процентов студентов третьего курса факультета психологии ответили, что «некоторые свидетельства об НЛО заслуживают доверия», а 53 процента допускали, что «некоторые люди способны передвигать предметы на расстоянии».

Многие читатели журнала «Сьянс э ви» («Наука и жизнь») принимают за чистую монету все небылицы, предложенные им в качестве первоапрельской шутки. Причем они не обращают внимания ни на специальное обрамление юмористических публикаций, ни на рубрику «апрелиада».

В первоапрельской статье «Тайна треугольника Буш-дю-рон» (по ассоциации с Бермудским треугольником) разъяснялось, по какой такой удивительной причине в этом районе происходит особенно много автомобильных катастроф. Статья поведала читателям о якобы существующем здесь магнетизме, вызванном наличием в этих местах доисторических архитектурных памятников: «Не исключено, что гравитационные аномалии, изменяя вес мозга в черепных коробках водителей, оказывают пагубное влияние на поведение автомобилей». И водители не стали оспаривать этот «диагноз».

Самой широкой популярностью пользуется астрология. По данным опроса общественного мнения, 60 процентов французов (70 процентов женщин и 50 процентов мужчин) знают свой знак зодиака; 71 процент молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет учитывают его в повседневной жизни; 8 миллионов людей (15 процентов населения) по крайней мере один раз в год консультируются с астрологом (цена за сеанс — 200 франков).

Те, кто интересуется астрологией, могут обратиться к журналам «Гороскоп» (тираж 160 тысяч экземпляров), «Звезды» (50 тысяч), «Астраль» (40 тысяч). Ежегодный доход от продажи этих изданий составляет 4 миллиона франков. Существует также масса книг на эту тему: в 1976 году было опубликовано 198 работ по оккультизму (доход — 17 миллионов франков).

Не остается в стороне и радио (медиумы и прорицатели занимают примерно 50 часов эфирного времени в год). Кроме того, можно задать вопрос компьютеру «Астрофлэш» на Елисейских полях (это делают ежедневно 350 человек, доход предприятия — 30—60 миллионов франков в год). И наконец, 500 тысяч человек регулярно приобретают магические предметы: хрустальные шары (цена 200 франков), свечи чистого воска (15 франков), ладан, любовные духи, талисманы, крем из сока крапивы. Эта отрасль промышленности процветает, ее оборот примерно 45 миллионов франков в год.

Среди приверженцев астрологии представлены, хотя и в разном соотношении, все социальные слои. «В числе моих постоянных клиентов, — говорит астролог Марилин Верложи, — баронесса, живущая в США, государственные чиновники, часто посылающие ко мне своих жен, один монах. Мне нанес визит даже бандит, пожелавший узнать, подходящий ли сейчас момент для ограбления».

Но большинство тех, кто часто посещает предсказателей судьбы, все же принадлежит к средним слоям. Это служащие, торговцы. Так происходит не только потому, что их культурный уровень зачастую невысок. Главная причина кроется в способе их участия в системе производства: их профессиям свойственно маскировать социальные отношения, придавать им иллюзорную форму отношений сугубо личных. Таковы, например, взаимоотношения торговца в розницу и торговца-оптовика, инженера и директора, преподавателя и его патрона (инспектора, шефа). У таких людей создается впечатление, что классовые различия «исчезают» и возникает большой соблазн выдвигать на первый план личные симпатии и антипатии.

Женщина двадцати пяти — тридцати лет, влюбленная и неудачливая, секретарь, референт и т. п. — типичные клиенты торговцев иллюзиями. «Не просите сегодня утром повышения зарплаты: ваш патрон в плохом настроении», — по словам социолога Жака Мэтра, только представители «средних» слоев могут внимать такого рода предупреждениям. «Рабочие, ведущие борьбу с реальными видами эксплуатации, испытывающие на себе всю жестокость объективных законов капитализма, обычно равнодушны к «небесным предзнаменованиям». Трудно представить себе профсоюзных деятелей, которые основывали бы решение начать забастовку на гороскопе генерального директора».

Зато нередко встречаются генеральные директора, представители делового мира и юристы, занимающиеся астрологией. Социолог Клод Фишер пишет: «Мы знаем известного адвоката, который строит свое выступление на процессе в зависимости от того, родился ли судья под знаком Водолея или Тельца. Судью, который считает, что обвиняемый, родившийся под определенным знаком зодиака, — потенциальный рецидивист. Врача, который помесячно платит астрологу за составление гороскопов для своих пациентов. Предпринимателя, который составляет гороскопы учреждаемых им компаний».

Несколько десятилетий назад охлаждение населения к церкви радо-

вало «просвещенные» умы — ведь оно служило доказательством того что культурный уровень повышается, что прогресс познания отметает слепые верования. Однако сейчас великие идеалы века просвещения — наука и совесть, наука и счастье — разлетелись в прах. Наука дала миру слишком много пугающих вещей — достаточно назвать атомную бомбу. Теряя румяна, наука постепенно обнаружила свое истинное лицо. Лицо социальной системы.

И многие предпочитают теперь сухим данным науки и статистики исступление какой-нибудь «группы слияния». Там можно отдаться «первобытному крику» за 200 франков в неделю или избавиться от своих «комплексов», обнюхивая друг друга.

Случается такое и с некоторыми учеными. Они, конечно, способны рассуждать здраво — в конце концов, это их ремесло, но тем не менее и они не обладают внутренним чувством разумного. Специализируясь в какой-то узкой области, они порой не способны трезво взглянуть на вещи, лежащие вне сферы их исследований. Ведь изучение под электронным микроскопом структуры молекулы отнюдь не помогает лучше понять политические или социальные явления.

Развенчание мифов не кладет конец мифомании: утрата иллюзий переживается как неудача, падение идолов вызывает некое подобие безумия. Возможно, так происходит оттого, что большинство никак не подготовлено к самостоятельному мышлению. Семья, школа, церковь, власти — все институты действовали таким образом, что каждый точно знал, чего придерживаться, что думать, во что верить, как ориентироваться в окружающем мире. Было сделано все для того, чтобы люди обладали какой-то определенностью. Сегодня она деградирует, рассыпается. А поскольку большинство людей никогда не училось тому, как самостоятельно думать и принимать решения, они оказались в полном смятении. Теперь эти люди торопятся как можно быстрее найти выход из создавшегося положения. Спешат отыскать новые точки опоры, которые, как правило, прямо противоположны предыдущим. Так, депутат парламента тешит себя тем, что «политика никогда не подчинялась логике. Политические деятели, поступавшие наиболее логично, всегда терпели неудачу. Первенствует всегда интуиция. В счастливых случаях — удача. Или судьба. Когда я следую своему инстинкту, мне ясно, как поступить».

Психолог, называющий себя ученым-практиком, высказывается еще более категорично: «Истины не существует. Все зависит от позиции человека. Есть только множество различных точек зрения». Если следовать этой логике, то и Освенцим тоже всего лишь «точка зрения», и тогда все дозволено.

Психоаналитик мадам Жанна Фавре охотно посылает некоторых своих клиентов к гадалкам. Она ратует за то, чтобы «развивать склонность к иллюзиям: без иллюзий жить нельзя, остается только застрелиться».

Во всех этих примерах речь идет лишь о тяготении к иррациональному. Но у многих иллюзии уже полностью заменили разум, интуиция — здравую оценку реальности. Они говорят на языке мистики. Например, инженер, потерявший работу, убежден, что он «восприимчив» к сигналам природы, и считает необходимым найти код, который позволит расшифровать эти сигналы по примеру астрологии: «Чувствительная к гармонии мира астрология слышит музыку времени».

Если рассвет рассеивает чудищ, то ночь их рождает. «Когда мы спим, душа наша странствует. Она посещает опасные сферы. И встречает там нечистых духов», — считает иезуит отец Жозеф. Дьявол атакует не только отца Жозефа... Каждый день из округа, где он занимается заклинанием злых духов, приходят десятки писем. Их авторы — верующие, которых сатана вводит в искушение. Одна из жертв дьявола, женщина, служащая на почте, красивым почерком на четырех страницах описывает свою последнюю встречу с ним: «С тех пор как я уговорила мужа принять англиканскую веру, дьявол преследует меня. Каждую ночь я чувствую его огненную руку...»

Интеллектуалы, разглагольствующие о прелестях иррационального, несчастные, которых преследуют галлюцинации в виде ада и дьявола, а посередине между этими двумя крайностями «болото». Те, у кого еще осталось немного здравого смысла, но кто уже потерял всякие ориентиры в окружающем мире.

«Ужасно, как одиноки люди! Они погибают от нехватки эмоций», — говорит мадам Клеманс. Эта 60-летняя дородная женщина подкупает своим обхождением: улыбаясь, она берет посетителя под руку, называя его «мой новый друг», и вводит в скромно обставленную маленькую квартиру в 16-м округе Парижа. На столе две свечки, хрустальный шар, игральные карты, гадальные карты. «Снимите левой рукой. Вытащите пять карт». Мадам Клеманс мрачнеет: короли, дамы, валеты — все черной масти. «Возьмите еще». Опять черные карты. «Не болен ли кто-нибудь из ваших близких? Обычно я избегаю говорить о несчастьях. Но, — добавляет она с понимающим видом, — когда имеешь дело с интеллигентным человеком...»

Для каждого у нее находится ласковое слово. Успокаиваясь, клиент начинает говорить. Он и не требует большего — он пришел исповедаться. Рассказать о своей жизни. И эта жизнь — сырой материал, которому мастер придаст форму. Тайна, которую специалист наконец-то разгадает. «Я объясняю им, что они собой представляют, на что надеются, чего хотят, — говорит мадам Клеманс. — Я пытаюсь сделать их сильнее». Во всяком случае, ей удается сделать их более зависимыми. «Большинство побывавших у меня часто звонят, приходят снова, присылают новых клиентов. Как видите, образуется большая семья». Семья, которая приносит немалый доход: ежемесячно гадалка получает около 30 тысяч франков.

Люди готовы платить, получив немного человеческого тепла или хотя бы иллюзию его. Успех ясновидящих показывает, насколько далеко наше общество от того, чтобы удовлетворять основные чаяния своих членов. Общаться с другими людьми, искать и находить смысл происходящих событий, быть уверенным в своем будущем, одним словом, быть хозяином своей жизни и самому познавать ее — ни одну из этих потребностей общество сегодня не удовлетворяет. И еще в меньшей степени это возможно в будущем, если учесть углубление экономического кризиса и упадок демократии.

Осужденный на бессилие буржуазной системой, слепой жертвой которой он является, человек больше не задается вопросом, что он может сделать: у него складывается впечатление, что от него уже ничего не зависит. «Расцвет иррационального связан с извращением политической роли гражданина, — говорит социолог А.-К. Декуфле. — Гражданина современного общества никогда не просят предложить какой-то проект. У него нет средств, чтобы бороться за свою позицию».

Лишенный всякой информации, погребенный под нагромождением противоречивых и невнятных сообщений, разве может он не потерять здравый смысл? «Когда политический строй отказывает нам в праве выражать здравые суждения, он отдает нас на милость суждений безумных, — продолжает А.-К. Декуфле. — Как только я перестаю принимать решения, когда я даже не знаю, кто и что решает мою судьбу и судьбу общества, мне остается одно: гадать на крови цыпленка или обратиться к пророку, чтобы найти смысл в бессмысленном».

Что и делают без долгих колебаний многие политические деятели. Они тоже жертвы, хотя одновременно и соучастники системы, которая

возвела тайну в культ и проводит политику дезинформации. Ложь, банальные фразы, общие слова, недомолвки, замалчивание, намеренные неясности, двусмысленности — из всего этого получается речь политического деятеля, в которой каждый волен слышать то, что его больше устраивает.

Иррациональное мышление далеко не пережиток, не теневая область, с которой просто еще не вполне справился прогресс, иррациональное мышление находит в современном экономическом и политическом состоянии буржуазного общества условия, необходимые для своего развития.

Такое состояние общества ведет к появлению «нового феодального класса», как его называет экономист Жерар Клейн. «Ярчайшим признаком нашей эпохи, — говорит он, — является возникновение системы власти, в которой господствуют несколько крупных, чрезвычайно замкнутых групп. Эти группы устанавливают законы, например, в Соединенных Штатах, чеканят монеты, в частности, евродоллары, развязывают вооруженные конфликты, прямо или через подставных лиц (политики часто служат при этом лишь послушными пешками) участвуют в разработке удобного для них законодательства. Они вмешиваются во все дела в мире, который служит им полем деятельности, и, как некогда феодалы в своих вотчинах, распоряжаются судьбами народов по своему хотению».

Попытки рационального обоснования власти «новых феодалов» с треском проваливаются. И в самом деле, разве может управляющий банком или многонациональной фирмой говорить о «счастье народов» или «социальной справедливости», не вызывая при этом взрывы хохота? Разве можно поверить, что то, что хорошо для «Дженерал моторс» или «Лезньер», хорошо и для Америки или Франции?

И поскольку ценности разума ныне вышли из употребления, людям не остается ничего иного, как изобретать иррациональные ценности. Раз общество в его нынешнем виде выглядит лишенным смысла, люди ищут смысл вне этого общества — в звездах, у гуру или пророков, в секте или сельской общине, в худшем случае в наркотиках. Для господствующих классов — практический ум, управляющий миром и подчиняющий своей власти его богатства. Для подчиненных — мистика и сон разума.

Ярмарка обманутых? Безусловно. Но на ней хватает покупателей — тех, кого «новый феодальный» строй отбросил на задворки. В числе этих покупателей — интеллигенция, которая в течение долгого времени была носителем знаний и силы. А теперь адвокаты, врачи, инженеры, ученые в полном бессилии присутствуют на собственной агонии. Они превращаются в простые винтики социально-экономической машины, которая больше не нуждается в их компетентности. Словно обесцененными акциями, обременены они не имеющими больше спроса дипломами.

С горечью сознавая собственное бессилие, они в большинстве своем обращаются к продавцам грез. Этот бессмысленный протест превращается в свою противоположность: ведь он закрепляет в «неофеодальном» обществе как раз те ценности, которые это общество навязывает, — веру в духов, мистику, иррациональное. Миллионы отверженных людей, которые цепляются за химеры. Общественная система, которая не может предложить им ничего иного.

«Новый феодальный класс» без колебаний извлекает выгоду из создавшегося положения. Конечно, он предпочитает не заявлять о себе. «Власть многонациональных монополий? Это миф», — заявляет французский президент многонациональной монополии. «Могущество банков? Это легенда», — говорит швейцарский банкир. Пожалуй, никогда еще в истории обладающий властью класс не прибегал к таким уловкам, чтобы остаться незамеченным. И делает он это именно потому, что ему нечего предложить — у него нет ни перспективы, ни даже утопии в запасе.

Политика пустоты. В частности, во Франции государственный идеологический аппарат действует главным образом как «машина оглупления». Посредственность образования, постепенно теряющего всякую конечную цель; глупость радио- и телепрограмм; постоянное использование шокового эффекта — драматизация самого ничтожного события; крикливая реклама самых реакционных идеологий — «новые философы», «новые правые». Все эти средства используются властью, чтобы лишить граждан всякой возможности думать и действовать. Разум заставляют молчать.

Но, как напоминает подпись под знаменитой картиной Гойи, «сон разума рождает чудовищ». Это относится в равной степени и к отдельной личности, и ко всему обществу. Ибо «сон разума» возрождает поведение, взгляды, образ жизни и мысли, которые вся история человеческой культуры пыталась преодолеть. Благодаря этим тысячелетним усилиям люди смогли развить формы общественного существования, создать искусство, науку, философию.

Именно это сложное здание цивилизации — по-прежнему хрупкое — иррациональное уже принялось разрушать: отказ от теоретической мысли и логической точности, главенство чувственного наслаждения над интеллектуальной деятельностью и ее радостями, сосредоточение на своем «я», которое лелеют и нежат, расположившись на диване у психоаналитика или гадалки. Миллионы людей, теряя разум, выворачивают историю своей жизни наизнанку. Впасть в детство. Разрушить в себе все человеческое. Уничтожить плоды длительного труда, с помощью которого первобытный человек выделился из природы и превратился в человека разумного.

То, что профессора университетов, писатели, врачи участвуют в разных бессмысленных и унизительных ритуалах, чтобы получить право приблизиться к гуру — «учителю», носить на шее его изображение, красноречиво свидетельствует о ветре безумия, который дует сейчас в европейских странах. В них снова поднимает голову самый махровый обскурантизм и (что, по сути дела, одно и то же) витает тень тоталитаризма. Бесконечно расплодившиеся секты всего лишь развивают до самых крайних пределов логику, по которой уже живет общество. Это логика абсурда и смерти. Она требует отказаться от требований разума, предаться дешевым грезам, которые распространяют ясновидящие, пророки или торговцы наркотиками. А ведь это означает стелить постель варварству. Ибо возрождение самых архаичных фантасмагорий не проходит даром. Ведь когда химеры овладевают исступленной толпой, они способны убивать. Почти семь миллионов человек ищут утешения у гуру Махараджи Джи; более двух миллионов других ждут от Сан Мунг Муна, чтобы он думал за них («Я — ваш мозг», — говорит метр). Так далеко ли мы ушли от тех черных времен, когда другой «мозг нации» бросал одурманенный народ на завоевание «жизненного пространства»? «То, что именуют импульсами иррационального, ведет к нацизму, — говорит А.-К. Декуфле. — Иррациональное — это гипноз смерти».

Гипноз трагический. Однажды он уже привел людей к сжиганию миллионов себе подобных в печах крематориев.

Крайними формами проявления коллективного безумия в современном мире стали расизм, стихийное или организованное насилие, слепое подчинение власти или анархический мятеж, культ мистических и прочих идолов. В основе всех этих явлений лежит иррациональное начало. А когда народы теряют способность мыслить, демократиям и свободам надолго приходит конец.

Сокращенный перевод с французского С. ФЕДОРИНОЙ

ЖАРКОЕ ЛЕТО В ГОЛЛИВУДЕ

Нет, это не кадры из голливудского фильма про забастовщиков — это действительно бастующий Голливуд. Конечно, забастовщики выглядели непривычно и даже несерьезно для забастовщиков: они фотогенично улыбались, щедро дарили автографы. Но требования их были вполне серьезны: повышение оплаты ежедневной работы актеров и всех тех, кто делает фильмы (имелась в виду, естественно, не оплата труда «звезд», хотя и многие «звезды», в том числе Барбра Стрейзанд, Джеймс Стюарт, присоединились в знак солидарности к своим менее знаменитым коллегам). Актеры добивались и гарантий охраны своих прав (в частности, в связи с продажей «подпольных» видеокассет с записями прошедших по телевидению фильмов). На снимке вы видите актеров Черил Лэдд и Дэвида Дойля.

НОВОСТИ МУЗЫКИ. Альбом группы «Пинк Флойд» «Стена» стал «хитом» в ЮАР, и успех был столь значительным, что власти с опозданием запретили продажу пластинки: антирасистская песня «Еще один кирпич в стене» превратилась в гимн молодежи, протестующей против апартеида. Эту же песню, несколько перефразировав, пели и студенты Кентского университета (США) во время марша, посвященного памяти расстрелянных десять лет назад участников антивоенной демонстрации. Они пели так: «Мы против регистрации, мы не хотим войны. Долой ракеты из Европы! Все это — шаги к войне!»

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

В английском языке существует пословица, похожая на нашу «Семь раз отмерь...»: «Прежде чем прыгать, глянь да подумай». Но, видно, руководитель этого прыжка, Карл Беониш из штата Аризона, забыл родной фольклор: он не сообщил о предполагаемом рекорде — затяжном групповом прыжке 58 человек — в Международный союз спортсменов-парашютистов. И рекорд не засчитан. Поэтому мировым достижением до сих пор считается прыжок с участием 36 спортсменов.

«ДРЕВО ПОТРЕБЛЕНИЯ»

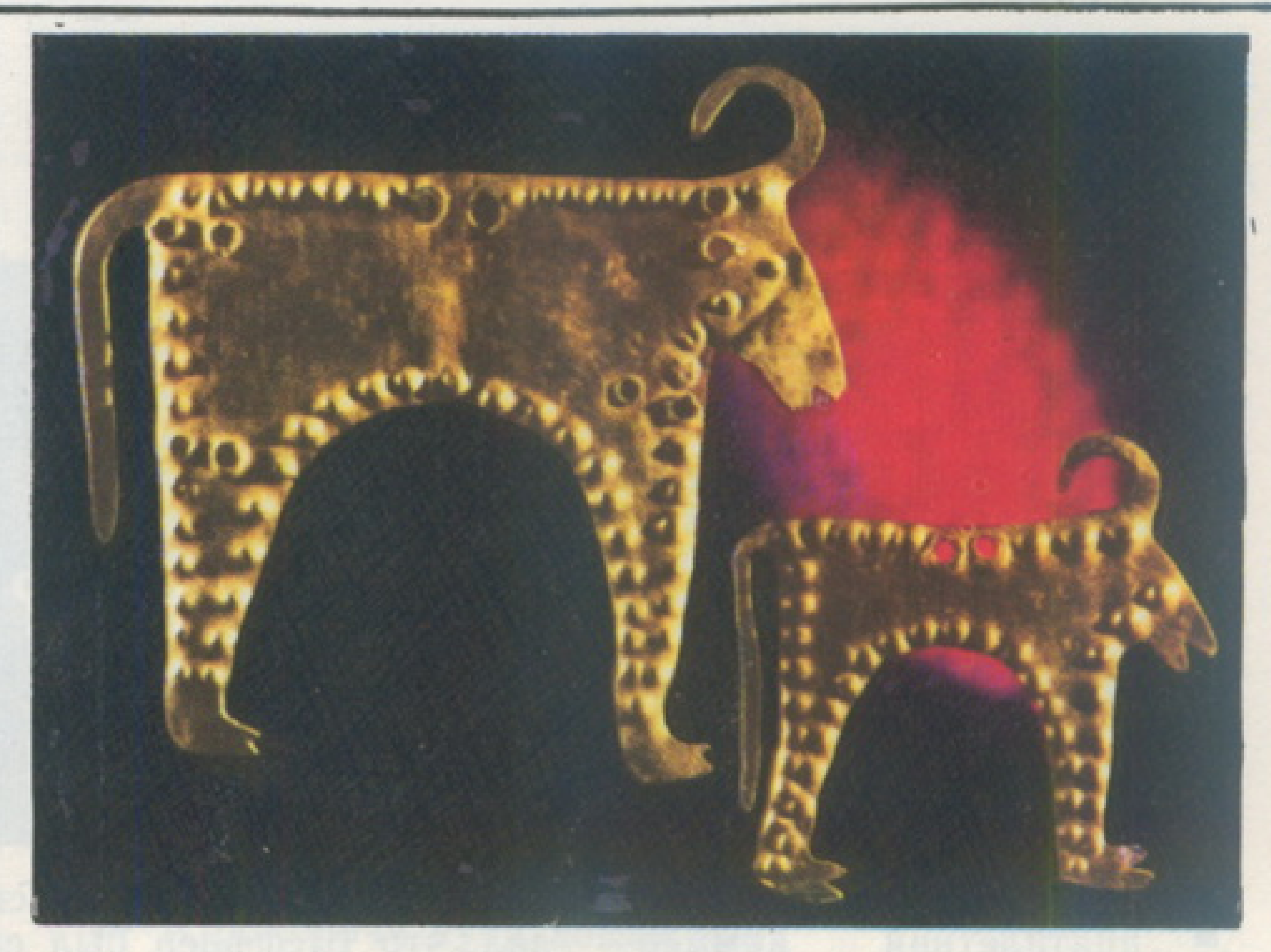
Свой вариант «памятника прогрессу» создала группа западногерманских художников. Недолго искали создатели подходящий материал: они подбирали его на обочинах дорог, на прежде идиллических лесных полянках, на берегах когда-то чистых рек. Подбирали то, что «дарят» люди природе, потребив ее дары: пакетики, коробочки, баночки и прочие упаковки от... Впрочем, какая разница от чего?

СТАРЫЙ ТРЮК ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Западногерманский журнал «Бунте» решил купить подписчиков: тому, кто разгадает секрет парящей в воздухе Мирей Матье, была обещана бесплатная поездка в Лас-Вегас (иллюзионисты-профессионалы из игры исключались). Расчет вроде бы точный: во-первых, подобные трюки обеспечивают рекламу, а во-вторых, вряд ли уж кто догадается. Но, увы, догадливые нашлись. И начались тяжбы. Короче, в Лас-Вегас так никто и не поехал.

Но «Бунте» не печалится: трюк все же удался — о скандале написал журнал «Штерн», а это ли не реклама, да еще бесплатная? (Кстати, «Штерн» опубликовал и отгадку: Мирей Матье лежит на доске, укрепленной на ногах иллюзионистов.)

КОРОВЫ, КОТОРЫМ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Недавно были найдены самые древние изделия из золота, и произошло это не на территории древнего Шумера, не на земле нынешних Перу и Колумбии. Этих золотых коров, а также серьги, браслеты и другие поделки из золота и меди обнаружил болгарский экскаваторщик Райко Маринов под Варной. Клад доставили в Национальный музей, и — сенсация! — радиологический анализ показал, что ему более шести тысяч лет.

Эти находки подтвердили давние предположения археологов, что металлургия самостоятельно зародилась в Юго-Восточной Европе. И именно Болгария была ее колыбелью.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ДЕ РОЗНЕ

Мы уже писали о знаменитом французском «ветрогоне» Арно де Розне («Ровесник» № 2 и 10 за 1979 г.)— изобретателе паруса новой конструкции. Тогда он пересек под своим парусом (установив его на доске с колесиками) Сахару. Затем, спустив доску на воду, он переплыл Берингов пролив — из США в СССР (парус состоял из двух флагов — американского и советского). И вот новая конструкция: парус-мешок, как воздушный змей, парящий над той же доской. Под этим парусом де Розне собирался повторить путь полинезийцев, проплывших в III веке н. э. от Маркизских до Гавайских островов. Но эта попытка окончилась неудачей: мореплаватель смог преодолеть лишь треть пути (впрочем, это тоже немало: около тысячи километров) — помешали акулы. «Они буквально обгрызли мое судно», — сказал де Розне.

ВОТ БЫЛО ВРЕМЯ-ТО...

Эта карта из тех времен, когда женщины, крича «ура!», бросали в воздух чепчики и мальчишки мечтали о приключениях на диком Западе. Карта иллюстрирует ностальгическое воспоминание журнала «Нэшнл джиогрэфик» о тех временах, когда в Америке существовала почта «Пони-экспресс» — великолепные наездники, доставлявшие сообщения с Восточного побережья на еще дикий Запад всего за десять дней... «Пони-экспресс» была создана в 1860 году и через полтора года ушла в легенду, став первой жертвой техники: ее сменил телеграф. Воспоминание о прошлом, когда будущее казалось простым и ясным: перебьем индейцев, проберемся в калифорнийский рай — и всем станет так хорошо!

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

КТО ЗЛОПАМЯТНЕЕ?

Вольфганг ШУБЕРТ, западногерманский журналист

Ральф Шеффлер, тридцатилетний коммерсант из Франкфурта-на-Майне, в своей деловой практике несколько раз терпел неудачу по непонятным для него причинам. У него создалось впечатление, что его партнеры перестали доверять ему. Наконец, один из них по секрету сообщил, что Шеффлер считается «неблагонадежным элементом», поскольку на него заведено в полиции дело и хранятся отпечатки его пальцев. Шеффлер подал в суд на полицию, и в суде выяснилось следующее.

В памяти компьютера франкфуртской полиции хранились сведения, что Шеффлер три раза находился под следствием. Первый раз, когда он раздавал пацифистские листовки перед казармами бундесвера в Рейнгау. Тогда полицейский записал данные распространителя листовок. Генеральный прокурор земли Майнц завел на Шеффлера дело «в связи с попытками противозаконного воздействия на подразделения бундесвера». Шеффлера об этом серьезном обвинении не информировали, и он не знал, что находится под следствием. А вскоре и следствие было прекращено «за недостатком улик» без передачи дела в суд.

Второй раз Шеффлер попал в поле зрения полиции, когда он оказался среди 200 молодых людей, занявших франкфуртский дом молодежи в знак протеста против очередного сокращения рабочих мест на предприятиях города. Когда полиция очистила здание, она зарегистрировала данные всех обнаруженных в нем.

В третий раз дело было так. После разгона молодежной демонстрации некто позвонил в полицию и сказал, что Шеффлер был среди тех, кто кидал в полицию бутылки с зажигательной смесью. В тот же день Шеффлера арестовали, его сфотографировали для полицейской картотеки, сняли отпечатки пальцев и... отпустили домой. Никаких доказательств его участия в демонстрации у полиции не было.

Четвертая палата франкфуртского городского суда, рассмотрев иск Шеффлера против полиции, постановила уничтожить отпечатки пальцев истца и изъять его фотографии из полицейской картотеки, поскольку «учет этих данных необязателен для выполнения полицией ее будущих задач. Принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, следует признать правоту требований истца».

Франкфуртская полиция отказалась выполнить постановление суда, аргументировав свое несогласие тем, что «истец, уже трижды нарушивший закон, может и в будущем повторить подобные действия». Шеффлер продолжает настаивать на удовлетворении своего иска: ведь полиция, заведя на него дело в трех случаях, так и не смогла доказать его участия в противозаконных действиях.

Но даже адвокат Шеффлера сомневается в успехе иска против полиции. Ведь исполнение судебного предписания не может быть проверено ни самим пострадавшим, ни городским судом. Что полиция ввела в память компьютера, остается в ней навсегда.

Перевел с немецкого В. НИКОЛАЕВ

(Журнал «Штерн», ФРГ)

Быстро накручивая педали, мужчина и мальчик спустились по невысокому склону. Затем они огляделись и увидели, что впереди дорога начинает подниматься.

— Ну, Роб, — заговорил мистер Уиллисон, более уверенно устраиваясь на сиденье, — теперь этот подъем, а потом остановимся и как следует отдохнем.

— Может, отдохнем сейчас? — спросил мальчик.

— Отдохнешь наверху, — сказал мистер Уиллисон твердо. — Помнишь, что я говорил? Первое, чему должен научиться любой спортсмен, — это преодолевать барьер усталости.

— Я уже преодолел его. Я устал уже тогда, когда мы ехали по шоссе и...

— Когда начинаешь чувствовать усталость, надо продолжать двигаться, пока она не исчезнет. Тогда появляется второе дыхание и вторая выносливость.

— У меня все это уже было.

— Мы поднимемся наверх, — заключил мистер Уиллисон, — и наверху как следует отдохнем.

Роб замолчал и упрямо нажал на педали. Не спеша пара заскользила по дороге. Преодолев подъем, мистер Уиллисон подчеркнуто неторопливо спешился, аккуратно положил свой велосипед на бок и, прежде чем присесть, разостлал на земле пиджак. Роб проворно соскочил с седла и растянулся на траве.

— Не лежи так, — сказал отец. — Простудишься.

— Со мной все будет в порядке, папа. Я полежать хочу. Спина болит.

— Тебе нужно укреплять мышцы спины, вот отчего она болит. Жаль, что поблизости нет реки, где ты мог бы заняться греблей.

Мальчик ничего не ответил, и мистер Уиллисон, сознавая, что начинает походить на чрезмерно заботливого родителя, решил больше не настаивать. Вместо этого он выждал минуту и посмотрел на часы.

— Без двадцати двенадцать. Через минуту надо двигаться.

— Что? А я думал, мы собирались отдохнуть.

— Да, и мы отдыхаем, не так ли? — резонно возразил мистер Уиллисон. — Я уже отдышался, да и ты, конечно, тоже.

— У меня еще болит спина. Я хочу еще чуть-чуть полежать.

— Ничего не поделаешь. Нам надо сделать, по крайней мере, двенадцать километров, а обед в час.

— Пап, зачем нам надо было забираться в такую даль, если необходимо вернуться к часу? Знаешь что, давай остановимся у телефонной будки, позвоним маме и скажем, что...

— Ничего подобного. Нет никаких причин для того, чтобы двое взрослых мужчин не могли преодолеть двенадцать километров за час десять минут.

— Но мы уже преодолели миллион километров!

— Около четырнадцати, по моим подсчетам, — уточнил мистер Уиллисон непреклонно. — И какое удовольствие в велосипедной прогулке, если не покрыть какое-то расстояние?

Он подобрал свой велосипед. Роб лежал, прикрыв глаза рукой. Ноги его в густой траве казались непривычно белыми и худыми.

— Вставай, Роб. — Мистер Уиллисон оседлал велосипед и медленно двинулся. — Роб, — позвал он через плечо. — Я поехал.

Роб недвижно лежал на краю дороги. У него был вид человека, попавшего в автомобильную катастрофу, не обезображенного внешне, но умершего от внутренних повреждений. Мистер Уиллисон отъехал на пятьдесят ярдов, на сто, раздраженно сделал круг и вернулся к тому месту, где лежал сын.

МУЖЕСТВЕННОСТЬ

Джон УЭЙН,
английский писатель

Рассказ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

— Роб, с тобой что-нибудь случилось или ты просто капризничаешь?

Роб опустил руку и взглянул отцу в лицо. Взгляд его был удивительно мягким; в глазах не было и тени вызова.

— Я устал, у меня болит спина.

— Послушай, Роб, — начал мистер Уиллисон нежно, — я не собирался об этом говорить, хотел сделать тебе сюрприз, но когда мы вернемся домой, там тебя будет ждать подарок.

— Какой подарок?

— Что-то очень интересное, что я купил специально для тебя. Сегодня утром должен был прийти человек, чтобы как следует все оборудовать и укрепить. Вот почему я предложил эту поездку на велосипеде. Когда мы вернемся, дома все будет готово.

— А что это?

— Ага! Сюрприз. Ну вставай. Дома увидишь.

Роб сел, затем медленно поднялся на ноги.

— А покороче пути домой нет?

— Боюсь, что нет. Это же только двенадцать километров. И почти все время под гору, — бодро добавил мистер Уиллисон. Его собственные ноги ныли, и мышцы неприятно подрагивали. Вдобавок он неожиданно ощутил, что страшно хочет пить. Роб молча взобрался на велосипед, и они двинулись в обратный путь.

— Где он? — спросила миссис Уиллисон, входя в гараж.

— Пошел в свою комнату, — отозвался мистер Уиллисон. Он сжал руку в кулак и нанес боксерской «груше» сокрушительный удар. — Кажется, он хорошо закрепил ее.

— Что он делает в своей комнате? Пора обедать.

— Он сказал, что хочет немножко отдохнуть.

— Надеюсь, ты удовлетворен, — сказала миссис Уиллисон. — Тринадцатилетний, нет, почти четырнадцатилетний парень, как раз когда у него должен быть особенно хороший аппетит, и вот обед на столе, а он о т д ы х а е т...

— Послушай, я знаю, что я...

— Валяется у себя в комнате, не в силах даже есть после того, как ты все утро таскал его за собой...

— Все, что мы делали, под силу мальчику его возраста.

— Почем ты знаешь? — спросила миссис Уиллисон. — Ты ничего этого не делал в его возрасте. Как ты можешь знать?

— Ну послушай, когда я был в его возрасте, все, что я делал, — это учился, учился, учился, и у каждого в голове сидел этот страх перед безработицей и необеспеченностью. У меня никогда не было своего велосипеда. Я никогда не занимался ни боксом, ни греблей, я не делал ничего, чтобы развить себя физически. Всегда была только работа, работа, работа, сдай такой-то экзамен, получи такой-то аттестат. И я все это делал, теперь у меня есть профессия и место, с которого я не вылечу. Но ты не хуже моего знаешь, как меня подвели родители. Никто не поощрял меня в том, что касалось физического развития.

— Ну и что из этого? С тобой все в порядке...

— Грэйс, — резко прервал жену мистер Уиллисон. — Со мной вовсе не все в порядке, и ты прекрасно это знаешь. Я ниже среднего роста, у меня впалая грудь, и я...

— Ерунда. Ты выше меня, а я...

— Мой сын не должен вырасти с этой проклятой физической наследственностью, с которой я...

— Нет, он всего-навсего заполучит болезнь сердца от хронических перегрузок из-за того, что ты...

— У него стопроцентно здоровое сердце. Не прошло и трех недель, как его осматривал врач.

— Ну а почему же он так утомляется, если он здоров?

Хрупкая тень заслонила собой полосу ослепительного солнечного света в дверном проеме.

— Мам, обед готов? Я хочу есть.

— Готов, если ты готов, — просияла Грэйс Уиллисон. — Мой руки и иди к столу.

— Смотри, Роб, — заговорил мистер Уиллисон. — Если ты ударишь по ней левой и, когда она отлетит рикошетом, двинешь ее правой, это будет неплохая тренировка для ринга. — Он отвесил «груше» два любительских удара. — Это называется «прямой правой», — сказал он.

— Хорошо, мне нравится. Это меня позабавит, — ответил Роб. Он без особого энтузиазма смотрел, как его отец снимает тяжелые рукавицы.

— Вот, надень их, — продолжал мистер Уиллисон. — Это тренировочные. Позже, конечно, достанем пару настоящих.

— Обедать, — позвала миссис Уиллисон из дома.

— Ну, двинь ее разок, — не утерпел мистер Уиллисон. — Один удар, и пойдем.

Роб взял перчатки, надел одну на правую руку и отвесил «груше» застенчивый удар, целясь в самую середину.

— Ну, теперь пошли, — сказал он.

— Пять футов восемь дюймов, Роб, — торжественно объявил мистер Уиллисон, складывая деревянную рулетку. — Ты выше меня. Это великий рубеж.

— Ч у т ь - ч у т ь выше.

— Но ты все время растешь. Теперь все, что тебе нужно, — это начать расти не только вверх, но и вширь. Ведь на твою долю — форварда — придется самая свалка. Когда у них проходит набор в команду? Мне кажется, им давно пора этим заняться.

— Уже набрали, — ответил Роб. Он нагнулся подобрать с полу носки.

— Уже? И ты...

— Меня не приняли, — сказал мальчик, с удвоенным вниманием разглядывая свои носки, как будто пытаясь уловить тончайшие оттенки их цвета и рисунка.

Мистер Уиллисон открыл было рот, снова закрыл и постоял минуту, глядя в окно. Затем мягко опустил руку на плечо сына.

— Не повезло, — сказал он.

— Я очень старался, — быстро отозвался Роб.

— Не сомневаюсь, что ты очень старался.

— На отборочных матчах я сделал все, что мог.

— Тебе просто не повезло, — повторил мистер Уиллисон. — Это могло случиться с каждым.

Молча они продолжали одеваться. В воздухе повис едва уловимый запах яичницы с грудинкой; было слышно, как миссис Уиллисон накрывает внизу на стол.

— Стало быть, так обстоят дела на текущий сезон, — заметил мистер Уиллисон в пространство.

— Кстати, я забыл сказать тебе, — заговорил Роб. — Меня приняли в секцию бокса.

— Да? Я и не знал, что у вас в школе есть такая секция.

— Она новая. Ее только что открыли. В конце прошлого полугодия прошли отборочные испытания. Знаешь, я боксирую лучше других — ведь у меня было много практики с «грушей».

Мистер Уиллисон протянул руку и пощупал бицепсы Роба.

— Неплохо, неплохо, — сказал он, критически прищуриваясь. — Но если ты собираешься стать боксером, тебе придется развивать мускулатуру. Вот что я тебе скажу. Будем тренироваться вместе.

— Вот и хорошо, — сказал Роб. — Да и в школе я тренируюсь.

— В какой вес они тебя зачислили?

— У нас это не вес, а возраст. В группу до пятнадцати. А после пятнадцати подразделяют по весовым категориям.

— Ну, — проговорил мистер Уиллисон, завязывая галстук, — в группе до пятнадцати ты будешь в выгодном положении. У тебя в запасе шесть месяцев. И все это время ты можешь не спеша наращивать мускулы. Я полагаю, у вас будут матчи и все прочее?

— Да. Будет первенство школы в конце следующего полугодия. И я буду участвовать.

Повеселев, обмениваясь шутками, они сошли вниз завтракать.

— Мама, два яйца для Роба, — потребовал мистер Уиллисон. — Он у нас тренируется. Будет специализироваться в тяжелом весе.

— Специализироваться в тяжелом весе? По какому виду? — спросила миссис Уиллисон с чайником в руках.

— По боксу, — улыбнулся Роб.

Грэйс Уиллисон, плотно сжав губы, отставила чайник.

— Через мой труп, — заявила она. — Это единственный вид спорта, которым, пока я жива, он не будет заниматься. Это же влияет на мозги! Все эти удары в челюсть, в подбородок. Я читала об этом...

— Влияет на мозги? — подхватил мистер Уиллисон. — Как, по-твоему, повлияло это на мозги Ингемару Юханссону? А он один из самых предприимчивых бизнесменов во всем мире!

— Роб, — сказала миссис Уиллисон, не повышая голоса, — подойди к преподавателю физкультуры и скажи ему, что бросаешь бокс.

— У нас нет преподавателя физкультуры. Все наши преподаватели от времени до времени ведут занятия по физкультуре.

— Ну кто-то же из них отвечает за секцию бокса...

— Роб, ты готов? — перебил ее мистер Уиллисон. — Опоздаешь.

— У меня еще много времени. Я еще не кончил завтракать.

— Неважно, неважно, поторапливайся, сынок. Мне надо сказать пару слов твоей матери.

Спор тянулся много дней. В конце концов было решено, что Роб примет участие в школьном первенстве, которое состоится в марте будущего года, а затем бросит бокс.

— Девяносто шесть, девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять, сто, — вел счет мистер Уиллисон. — Вот так, прекрасно. Теперь поди прими душ и ложись в постель.

— Но я же ничуть не устал, честно, — запротестовал Роб.

— Кто здесь менеджер — ты или я? — с притворной грубостью накинулся на него мистер Уиллисон. — Я отвечаю за твои тренировки. Пятнадцать недель непрерывных тренировок, и перед самым матчем ты бойкотируешь мои указания?

— Но глупо же укладываться в постель, когда не...

— Положись на мой опыт. Ни один боксер еще не выходил на ринг, не проведя перед тем пару часов в постели.

— Ну, ладно. Но я готов поспорить, что у других и в мыслях этого нет.

— Именно по этой причине вечером у тебя появится преимущество перед другими. Оставь скакалку, я уберу ее.

Когда Роб ушел, мистер Уиллисон аккуратно свернул скакалку в клубок и положил ее в небольшой кожаный чемоданчик, где уже лежали боксерские

перчатки Роба, его шелковый спортивный халат, высокие ботинки на шнуровке и трусы с эмблемой школы, вышитой на правой стороне.

Когда он вошел в гостиную, миссис Уиллисон не отвела глаз от телевизора.

— Ну, все готово, мать, — не в силах сдержать нетерпения, заговорил он. — Сейчас он ляжет отдохнуть, и около шести мы двинемся. — Он присел на диван рядом с женой и неуклюже попытался обнять ее. — Ну-ну, любовь моя, — просительным тоном сказал он. — Не омрачай самый большой день в моей жизни.

Она повернулась к нему лицом, и он с изумлением увидел, что на ее глаза навернулись слезы гнева.

— А как насчет моего большого дня? — спросила она с неожиданной резкостью. — Четырнадцать лет назад, ты помнишь? Когда он пришел в этот мир.

— Н-ну, и что же? — неуверенно отозвался мистер Уиллисон.

Помимо воли где-то на краю его сознания маячило бессмысленное мельканье и кваканье телевизора, превращавшее весь этот разговор из нелепой трагедии в еще более нелепый фарс.

— Почему ты не сказал мне тогда? — всхлипнула она. — Зачем ты позволил мне иметь сына, если все, что тебе нужно, — это видеть, как его до смерти измолотят эти пустоголовые кретины...

— Возьми себя в руки, Грэйс. Поражение ему не повредит.

— Ты ненормальный отец, — не унималась она. — Я не могу понять, как ты можешь спокойно посылать его на ринг, чтобы его там изувечили... В конце концов нет такого закона...

— Здесь-то ты и ошибаешься, Грэйс, — жестко возразил мистер Уиллисон. — Закон есть — неизменный закон природы, согласно которому молодые особи мужского пола соревнуются в мужских испытаниях на силу и выносливость. Подумай об остальных мальчиках, выходящих сегодня на ринг. Ты думаешь, их матери рыдают и устраивают сцены? Нет, они гордятся тем, что у них сильные, мужественные сыновья.

— Уходи, пожалуйста, — сказала миссис Уиллисон, откидываясь на диване с закрытыми глазами.

— Грэйс!

— Оставь меня в покое. Не могу ни видеть тебя, ни слышать.

— Истеричка, — с горечью произнес мистер Уиллисон. Он вышел в холл и громко спросил: — Ты лежишь, Роб?

После короткой паузы послышался неуверенный голос Роба:

— Пап, ты можешь подняться ко мне?

— Подняться? Зачем? Что-нибудь случилось?

Мистер Уиллисон взбежал по ступенькам.

— В чем дело? — выдохнул он. — Тебе что-нибудь принести?

— Кажется, у меня аппендицит, — сказал Роб. Лежа в подушках, он искоса поглядывал в сторону отца; лицо его вдруг сузилось и приняло напряженное выражение.

— Не верю, — коротко ответил мистер Уиллисон. — В течение пятнадцати недель я руководил твоими тренировками, и я знаю, что ты здоров как бык. Ничего у тебя быть не может.

— Я чувствую ужасную боль, — сказал Роб. — В нижней части живота справа. Ведь аппендицит как раз здесь находится?

Мистер Уиллисон присел на край постели.

— Послушай, Роб, — заговорил он. — Не поступай так со мной. Все, о чем я прошу, — это чтобы ты вышел на ринг и продержался один раунд. Ты представляешь команду школы, и все от тебя зависят.

— Я умру, если ты не вызовешь доктора, — внезапно захныкал Роб. — Мам! — громко позвал он.

Миссис Уиллисон пулей взлетела по лестнице.

— Что с тобой, мой маленький?

— Живот болит. Внизу с правой стороны.

— Аппендицит! — Она обернулась, чтобы испепелить взглядом мистера Уиллисона. — Вот чем кончаются твои глупости!

— Я не верю этому, — отвечал мистер Уиллисон. Он вышел из спальни и спустился в гостиную. Бормотание в телевизоре не прекращалось. Долгих пятнадцать минут мистер Уиллисон принуждал себя вглядываться в скрипучих марионеток, которые, вздрагивая в металлическом свете, проделывали свои лилипутские ритуалы. Затем он опять поднялся наверх. Миссис Уиллисон щупала сыну лоб.

— Температура нормальная, — сказала она.

— Конечно, нормальная, — раздраженно ответил мистер Уиллисон. — Просто он не хочет выходить на ринг, вот и все.

— Вызовите доктора, — донесся голос из-под холодной фланели, укутывавшей лицо Роба.

— Вызовем, мой маленький, вызовем, если только тебе очень скоро не полегчает, — сказала миссис Уиллисон, одаряя своего супруга убийственным взглядом.

Мистер Уиллисон медленно сошел вниз. Мгновение он тупо смотрел на телефон, затем снял трубку и набрал номер школы. Ответа не было. Он положил трубку и громко сказал:

— Кто из преподавателей отвечает за ваше первенство?

— Я не знаю, — слабо отвечал Роб.

— Ты говорил мне, что тренируешься с мистером Грэйнджером, — продолжал мистер Уиллисон. — Он что-нибудь об этом знает?

Роб ничего не ответил, и мистер Уиллисон разыскал в телефонной книге всех городских Грэйнджеров. Их было четверо, но только один из них имел степень магистра искусств. Ледяными от волнения пальцами мистер Уиллисон набрал номер.

— Да, я преподаю в школе. Чем могу быть полезен?

— Я по поводу сегодняшнего первенства по боксу.

— Извините, по какому поводу? Вы уверены, что вы не ошиблись номером?

— Вы учитель моего сына Роба, мы же только что это выяснили. Я имею в виду первенство по боксу, в котором он должен сегодня участвовать.

— Где?

— Где? В школе, разумеется.

Последовало молчание.

— Видите ли, мистер Уиллисон, я не совсем понимаю, о чем вы говорите, но, по крайней мере, в одном вы ошибаетесь. — Послышался смущенный, извиняющийся смешок. — Если Роб состоит в клубе бокса, для меня, во всяком случае, это новость. Но, как бы то ни было, это не имеет ничего общего со школой. Мы не даем уроков бокса.

— Не даете уроков бокса?

— Да, это не входит в нашу программу.

— Ага, — сказал мистер Уиллисон. — Ага. Благодарю вас. Я, должно быть... благодарю вас.

— Нисколько, нисколько. Надеюсь, все в порядке?

— О да, — отвечал мистер Уиллисон, — да. Все в порядке.

Он положил трубку, секунду постоял в нерешительности, потом повернулся и стал не спеша подниматься по лестнице.

Перевел с английского
Николай ПАЛЬЦЕВ

ОДИССЕЯ РОБЕРТА УАЙАТТА

Грэхем ЛОК,
английский журналист

— Не знаю... Думаю, я включился в политику как бы вопреки себе: по натуре я склонен просто к веселому времяпрепровождению. — Делает паузу, хмурится. — Но вот какое дело... Раньше я как-то не придавал этому значения... Странно... Ведь я родился в сорок пятом году, и многие гнусности вроде войны, расизма были тогда так дискредитированы и непопулярны, что, казалось, наше поколение не может их воспринять. Всем тогда казалось такой ерундой и анахронизмом это пресловутое «право» стран Запада обращаться со всем миром, как полицейские с малолетней шпаной из рабочих кварталов... Но теперь этот анахронизм пытаются оживить, и кажется, что мирная пауза продлилась всего мгновенье. Надменное самодурство снова расцвело буйным цветом, хотя мы надеялись, что оно никогда не вернется. Я был бы рад распевать песенки, как раньше, и плевать на политику, но чувствую, что обстановка уже не та, она не располагает к благодушию... Она меня тревожит в самом деле.

Уайатт откидывается в кресле-коляске.

— И в коммунистическую партию я вступил потому, что понял, что идеи, воплощенные в музыке, в культуре, сами по себе не могут по-настоящему реально изменить общество в лучшую сторону. Они могут служить индикатором социальных процессов, быть их свидетельством, но менять их ход не в состоянии.

Мы сидим в садике его дома в Твикенхэме и обсуждаем его новые записи. Меня удивляет их диапазон: латиноамериканские песни «Арауко» и «Кайманера»; песня протеста из репертуара американской блюзовой певицы Билли Холлидей; еще одна — из репертуара модной группы «Шик»; юмористическая баллада Айвора Катлера и, наконец, исполненная без музыкального сопровождения американская песня времен второй мировой войны о подвиге Советской Армии. Уайатт даже планирует записать пластинку, в которой сам петь не будет: поэму Питера Блэкмена «Сталинград» — ее будет читать автор, и песню «Тред-юнион» в исполнении «Дишари», самодеятельного ансамбля бенгальских рабочих из Ист-энда.

Уайатт говорит:

— «Арауко» написала чилийская певица Виолетта Парра. Это отчаянный призыв ко всем индейским племенам подняться на борьбу. Отчаянный, потому что индейцев эксплуатируют безжалостно уже 400 лет, и их не так уж много осталось.

Некоторые говорят: да, бывает, люди умирают. Нет, они не просто так умирают — их убивают. Пиночет запродал всю страну иностранным компаниям, а это означает, что почти все индейцы автоматически вылетают с работы или используются как тягловая скотина. Вы можете спросить: а что мы можем с этим поделать? Так вот, наше правительство оказывает режиму Пиночета финансовую поддержку и поощряет таким образом геноцид. Поэтому я и пою «Арауко». А «Кайманера» — это одна из версий «Гуантанамеры», народной кубинской песни...

И это говорит человек, который в 1968 году на втором альбоме группы «Софт машин» спел... английский алфавит.

Роберт Уайатт впервые прославился в качестве ударника-вокалиста группы «Софт машин», возникшей в конце 60-х годов и бывшей наряду с «Пинк Флойд» лидером тогдашней «новой волны», возвещавшей нашествие «высокой интеллектуальности» в английском роке. Уайатта называют подлинным пионером джаз-рока и рок-авангарда, однако сам он высмеивает эти комплименты:

— Иногда это бывало просто ужасно. После очередного концерта в модном подвале к нам подходили и говорили: «О, это потрясающе, эта музыка стимулирует интеллект! На прошлой неделе тут играли Джено Вашингтон с «Рэм-Джем-Бэнд» [1], и все только плясали как сумасшедшие...» Поверьте, если бы мы могли играть так, как Джено, и иметь его аудиторию, мы бы не от-

[1] *Популярные в конце 60-х годов английские исполнители ритм-энд-блюза и соула. — Примеч. пер.*

о музыке — и не только

казались. Мы просто не могли так хорошо играть! А наша публика — это были, строго говоря, снобы. И мы заслуживали снобов, поскольку играли глупую музыку. Мы могли исполнять бредятину по многу часов подряд, и всем это нравилось!

В мифокрушительстве Уайатта нет ни тени нескромности или цинизма — только добродушный юмор. Он продолжает отпускать шуточки по поводу своего прошлого, пока мы не касаемся более серьезного вопроса, по-прежнему волнующего его, — как соответствует намерению автора восприятие публикой его произведения. Говорим о песнях «О, Каролина» и «Грязная занавеска», которые Роберт исполнял с группой «Мэтчинг моул», организованной им после ухода из «Софт машин». Песня «Грязная занавеска» была особенно знаменита, ее текст комментирует построение и назначение самого произведения: «...А вот это припев или, возможно, просто изменение тональности. Не обращайте внимания, оно вас никак не коснется; и означает оно только то, что эта песня мне надоела, я потерял в нее веру, так как она не поможет мне поговорить с вами».

— Это что, была попытка высмеять условности поплирики?

— Да, пожалуй, — в голосе Уайатта сквозит сомнение. — Я не назвал бы это иконоборством, я в отличие от «Магмы» [1] не считал, что смогу изменить мир, изобретя заново язык. Это был просто сарказм в адрес тех, кто слишком серьезно воспринимает слова песен... А может, это чушь, и я просто умничал... Вы хотите что-то сказать людям, хотите, чтобы вас правильно поняли, но песня, которую вы создали, воспринимается зачастую сама по себе, безотносительно к тем идеям, которые вы в нее вложили. Она развлекает людей. И если эта песенка не будет к тому же и красивой, ее вообще никто слушать не будет, она не будет иметь вообще никакого воздействия.

Уайатт утверждает, что он выбрал песни «Арауко» и «Кайманера» именно потому, что это «великолепные мелодии». Тем не менее и их содержание в полной мере отражает те мысли, которые владеют Робертом.

Сейчас он работает над записью песни «Странный фрукт». Впервые ее исполнила в 40-е годы Билли Холлидей. Это песня о судах Линча на Юге США. Заметив антирасистские плакаты и лозунги, которыми увешаны стены дома, я спрашиваю, до какой степени воззрения Уайатта повлияли на его выбор.

— Меня возмущает, когда люди, особенно американцы, говорят о линчевании, об уничтожении индейцев как о делах прошлого. Ведь силы, которые несут за это ответственность, по-прежнему действуют. Возьмите Южную Африку, где сейчас растет сопротивление, — США, Англия, Западная Европа были бы очень рады устроить там душегубку. Мы знаем, что Штаты активно поддерживают реакционные режимы, Англия тоже. Такого рода расизм ничуть не лучше того, что приводил к судам Линча на Юге.

Шел 1973 год. «Мэтчинг моул» записал уже два успешных альбома, и тут случилась катастрофа: Роберт Уайатт сломал позвоночник. Он знал, что ходить больше не сможет. И все же он продолжал писать музыку. Справиться с целой ударной установкой Уайатту уже было не под силу, ей на смену пришли клавишные инструменты, и, конечно, он продолжал петь. Второй сольный альбом (первый, «The End of an Ear», вышел в 1971 году) носил каламбурное название «Rock Bottom» [1]. По-моему, он был самым волнующим и одновременно самым недооцененным произведением семидесятых годов. Это работа поразительной глубины и искренности, в которой Уайатт говорил о невозвратимой потере и о надежде, о способности к духовному возрождению.

После выхода третьего альбома, «Рут страннее, чем Ричард» [2], и двух блестящих интерпретаций старых шлягеров — «Я поверил» и «Человек вчерашнего дня», Уайатт прекратил записываться почти на пять лет. Почему?

— Другие интересы вышли на первый план. Я уже не мог вести нормальную жизнь музыканта — разъезжать стало слишком тяжело. Романтические мысли о своей значимости и неповторимости как музыканта у меня прошли довольно быстро. Другие вещи, совсем не связанные с моей профессией, стали для меня более важными. Я разговаривал с серьезными людьми о реальных жизненных проблемах, начал думать о происходящем на нашей планете, и мир рок-н-ролла показался мне таким крошечным...

Это парадоксально, но, не имея возможности подняться с кресла, Уайатт стал намного активнее. Теперь он набросился на книги, по нескольку часов в день слушает радиостанции всего мира, в частности, Москву и Гавану. Результатом поисков более эффективных, чем рок-музыка, способов воздействия на мир было вступление два года назад в коммунистическую партию.

— Мне кажется, что большинство наших проблем вызвано безответственностью правительств крупных капиталистических стран и их попытками прибрать себе богатства остального мира. И для того чтобы оправдать рост своих капиталов и одновременное обнищание тех, кто трудится, стоящие у власти опираются на определенный миф или мистификацию, которую я назвал бы «священным правом избранных» — то есть на идею, что это справедливо, что это закон природы: одни имеют, другие нет. На службе у немногих всевозможные жизненные стандарты и установки, «закон и порядок», словом, все, что позволяет им скрывать тот факт, что элита процветает за счет масс и диктует им свои законы. История коммунистического движения представляется мне историей разоблачения этого лицемерия и борьбы с ним. И когда я вспоминаю явных антикоммунистов — Гитлера, Муссолини, Франко, Пиночета, Никсона, Тэтчер, Боту, — я лишний раз убеждаюсь в том, что коммунисты определенно правы!

Словом, понятно, как и почему Уайатт разочаровался в роке, столкнувшись с совсем иной вселенной и ее ценностями... Но почему же тогда он снова вернулся к записи пластинок?

— Многие годы ушли у меня на то, что я овладевал профессиональными качествами музыканта, и я снова вернулся к этому, потому что это я делаю лучше, чем что-либо другое. — Он поеживается в кресле. — Возвращаться снова в рок-музыку... Это как странный сон: вроде бы я снова пошел в школу или пытаюсь втиснуться в одежду, которую носил в пятнадцать лет. Но я вспоминаю о тех, кому сейчас по пятнадцать, и думаю: «Ты можешь им помочь понять, что хорошо и что плохо».

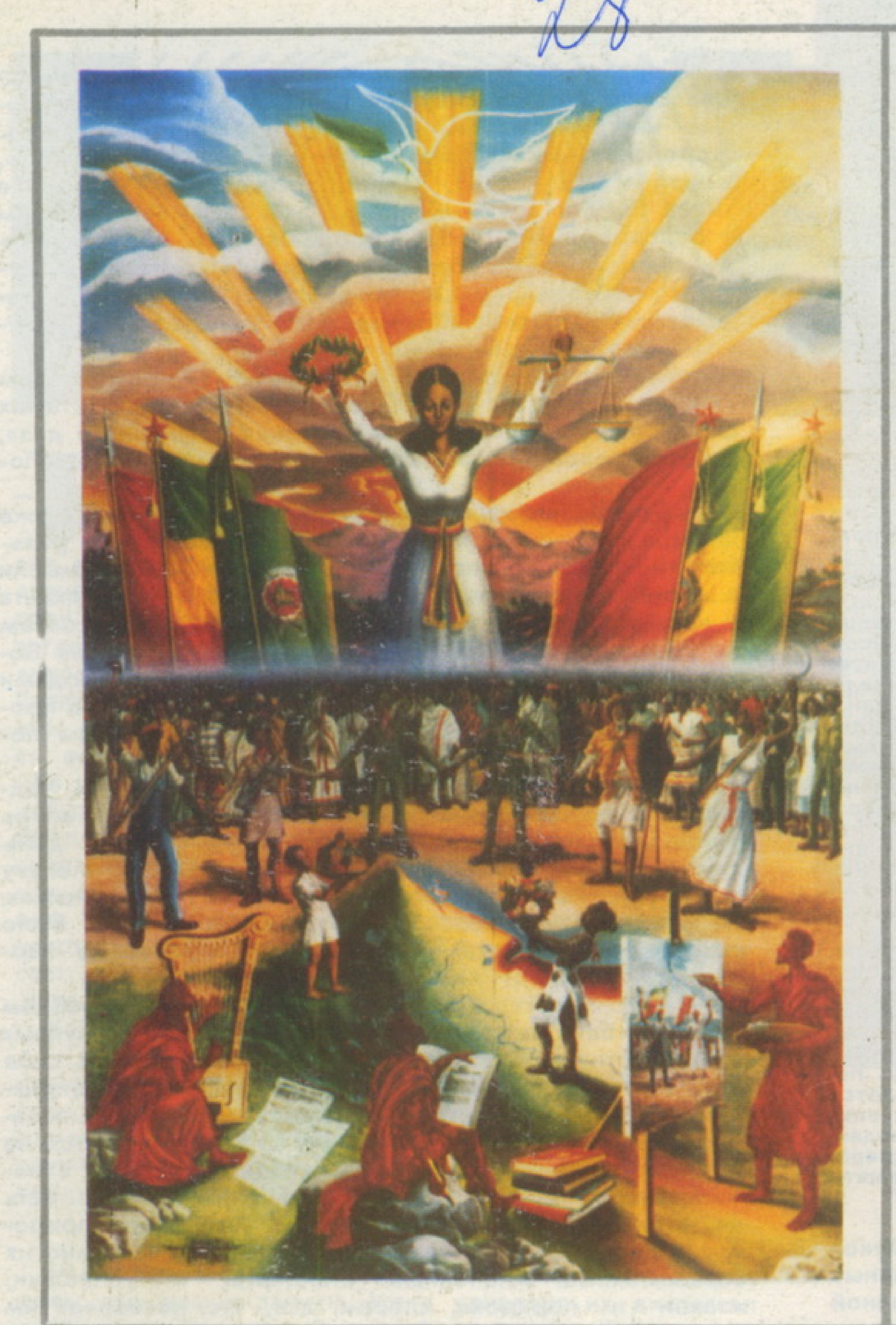
Перевел с английского А. ТРОИЦКИЙ

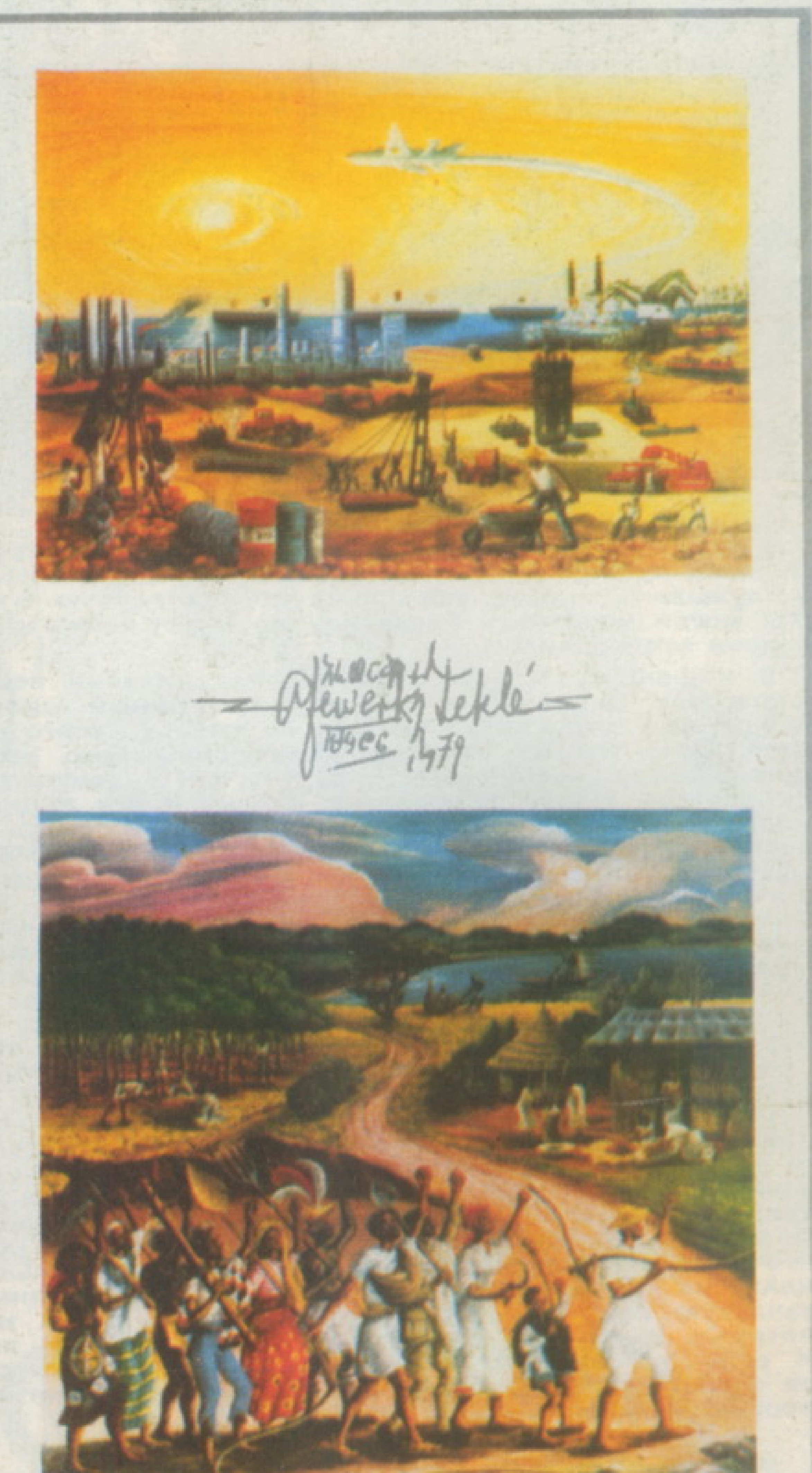
---

[1] *«Магма» — французский авангардно-роковый ансамбль, популярный в первой половине 70-х годов; Кристиан Вандер, его руководитель, придумал «новый язык», «кобаянский», на котором исполнялись все песни группы. Сюжеты по преимуществу космическо-мистические. — Примеч. пер.*

[1] *Можно перевести двояко: «Подножье скалы» или «На дне рока». — Примеч. пер.*

[2] *Инструментальная по большей части пластинка: Уайатта сопровождают многие известные авангардные джазмены. — Примеч. пер.*

Когда перечисляют награды, полученные им во многих странах мира, когда перечисляют его выставки: в СССР, США, Канаде, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Нигерии, Кении, множестве других африканских государств; когда называют книги о нем, говорят о его всемирно известных работах, — может создаться впечатление, что речь идет о престарелом метре.

Эфиопский художник Афеворк Текле действительно метр, но молодой. Он родился в 1932 году в городе Анкобэре. После изгнания итальянских фашистов уехал учиться в Аддис-Абебу. Затем его направляют в Лондон, где он должен был получить специальность инженера горнорудного дела. Но интерес и способности к художественному творчеству одержали верх. Он окончил факультет изящных искусств Лондонского университета, вернулся на родину. Его работы завоевывают известность, и теперь они украшают многие музеи мира.

В творчестве Афеворка Текле нашли отражение идеи борьбы Африканского континента за независимость и единство. Он называет свои полотна «Основы африканской цивилизации», «Африканское освободительное движение», «Дух Африки», «Единство Африки». Его витражи в Доме Африки в Аддис-Абебе — штаб-квартире Экономической комиссии ООН по Африке — известны во всем мире.

После победы народной революции в феврале 1974 года художник пишет ряд произведений, воспевающих новую жизнь. Недавно в Москве состоялась вторая выставка Афеворка Текле (первая прошла в 1964 году). Здесь вы видите фрагменты фрески «Победа Эфиопии», которую художник создал для музея Центра народных героев Эфиопии в Дебре-Зейте.

Индекс 70781
Цена 25 коп.